

Михаил Ахманов
Странник, пришедший издалека
Серия «Двеллеры», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118375*

Аннотация

Ри Варрат – звездный странник, соратник и друг посланца Земли Скифа, вместе с ним пытается найти и обезвредить таинственных пришельцев, похищающих индивидуальность и душу у жителей мирных планет. Невероятные приключения и неожиданный финал. Борьба не закончена. Что впереди?

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	35
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Михаил Ахманов

Странник, пришедший издалека

Часть I

РУБИН И АМЕТИСТ

Глава 1

ДОКТОР

Вселенная была гигантской арфой с туго натянутыми струнами. Мириады и мириады нитей паутинной толщины тянулись из Ничто в Никуда, из Реальности в Мир Снов, изгибаясь, перекручиваясь, пересекаясь, образуя запутанные клубки или уходя в безмерную даль извилистым потоком, в котором каждая струйка имела свой цвет. Между струнами титанического инструмента серело нечто мгlistое, неопределенное, туманное – будто темный фон, на котором была подвешена Вселенская Арфа. Он не знал природы этой серой ледяной субстанции, называя ее Тем Местом – местом, где не было струн. Не знал, но чувствовал, что туманная область холода и безвременья столь же необходима в мировом распорядке, как необходимы яркие цветные нити, потоки света, пестрые клубки-водовороты и сияющие радужные водопады. Во всяком случае, стоило коснуться любой из струн – коснуться не рукой, а, разумеется, мыслью, как серая мгла отзывалась чуть ощутимым трепетом. Она не становилась теплее или ярче, не испускала ни запахов, ни звуков, однако он улавливал незримое содрогание чудовищного занавеса – или, быть может, стены, поддерживавшей Вселенную-Арфу. Он не любил погружаться в То Место; гораздо приятней было любоваться разноцветными струйками, торившими путь сквозь серую мглу.

Цвет, однако, был не единственным их различием; когда он прикасался к какой-нибудь нити, она откликнулась своей особой нотой, рождала звук, непохожий на другие звуки – то трепетный и нежный, то резкий и пронзительный, то гудящий, громыхающий, рокочущий или звенящий подобно колокольному набату. Цвета и звуки были взаимосвязаны; это позволяло проследить любую из нитей-паутинок, узнать ее на ощупь, различить на вид и на слух. Они даже пахли по-разному, имели разный вкус и различную фактуру, отличаясь еще тысячей или миллионом признаков, недоступных человеческим чувствам, не имеющих аналогий в привычном мире, не поддающихся описанию словами, цифрами или иероглифами алгебраических уравнений.

Впрочем, он никогда не пытался их описать. Он, Повелитель Мира Снов, был всего лишь музыкантом, игравшим на Арфе Мироздания без партитуры, без нот и без сопровождения оркестра. Правда, он нуждался в указующей дирижерской палочке, ибо мелодии, извлекаемые им, не были оригинальными – они лишь повторяли те пьесы, рапсодии и симфонии, которые диктовались извне. Каждой из них соответствовал свой клубок, определенное переплетение нитей, своя гамма звуков, запахов, красок и прочих невыразимых характеристик, ощущаемых им тем не менее с отчетливой и ясной остротой. Обнаружив такой клубок, один из бесчисленных миров Вселенной, блиставший на сером занавесе, он запоминал его навсегда; так гениальный пианист помнит услышанную мелодию и воспроизводит ее в любое время дня и ночи.

Но, пока эта мелодия длится, трудно или невозможно сыграть другую. Тут существовали некие пределы – как в количестве струн, которые он мог проследить по их цветам и

фактуре, так и в различимости звуков, тембров, тонов и голосов. Он слышал, видел и осязал тысячи нитей разом, но все же их число оставалось несопоставимым с бесконечностью. Одни из этих струн являлись наиболее важными, звучали громче, светились ярче; таких он контролировал немного, ибо вели они к людям – к путникам, которые диктовали ему напевы. Другие ниточки, не столь заметные, связывали их – и, разумеется, его самого – с предметами неживыми, со всем тем, что путники брали с собой или желали извлечь из Мира Снов; эти струны он ощущал не столь отчетливо, с некоторым напряжением – что, однако, не сказывалось на результате. Он мог, потянув за главные нити, вернуть в Реальность все разом – и странников-людей, и их имущество, и их добычу; мог вытянуть одну из струн со всем ее вещественным обрамлением, оставив прочие в том пестром клубке Мироздания, который виделся ему столь же отчетливо и ясно, как солнце на небесах.

Исход, или путь домой, к защитному силовому кокону, вообще не представлял для него проблемы. Настроиться на нужную мелодию, отыскать необходимый мир-клубок – вот в чем состояла главная задача! Ибо этих миров имелось такое множество, что правильный выбор был сопряжен с известными трудностями, усугублявшимися тем, что взмахи дирижерской палочки не всякий раз отличались необходимой четкостью. Иногда они были робки, расплывчатые, неуверенны – а это значило, что странник по Миру Снов сам страшится своих желаний. В таких случаях ему приходилось искать; искать долго и напряженно, преодолевая сопротивление будущего путешественника, вслушиваясь в смутную гамму его интуитивных намерений и чувств, подбирая клубок, чья мелодия звучала бы в унисон с заданной музыкальной темой. Это было нелегко и удавалось не всегда.

Впрочем, он мог отыскать что-то более или менее подходящее, ибо миров, как уже было сказано выше, имелось превеликое множество, а инструмент, на котором он играл, простирался в бесконечность. Когда мир был найден и тропа к нему проложена, дальнейшее уже не представляло особых трудностей: нащупав нити между Реальностью и Сном, он посылал путников в полет – точь-в-точь как созвездие огоньков, плавно и стремительно скользящих вдоль гибких струн титанической арфы. Они уходили, вливались в пестрый многоцветный мир-клубок, но он не терял с ними связи; какая-то частица его разума бодрствовала днем и ночью, ожидая либо тревожного сигнала, либо истечения сроков странствия. В мелодии, к которой он постоянно прислушивался, то и другое отзывалось тонким беспокойным звоном, диссонансом, нарушавшим вселенский хорал, и по этому звуку ему полагалось вернуть путников под защитный кокон. Он совершал это одним мгновенным и мощным усилием, ибо промедление могло означать смерть. Пока что никто не погиб в Мире Снов, но он хорошо представлял себе, как это выглядит: оборванная струна, погасший огонек, стихшая нота, ощущение холода и, быть может, погружение в То Место...

То Место!.. Место, где не было ни светящихся струн, ни звуков, ни запахов, ни времени, ни пространства...

Владыка Мира Снов старался не замечать его, хотя не испытывал страха, случайно касаясь серой вязкой мглы; он видел и ощущал ее слишком часто, чтобы испытывать боязнь. Привычное не ужасает, не пугает... Тем более не удивляет!

Для удивления, впрочем, имелись другие поводы.

Кто-то пытался сыграть свою мелодию на его арфе. Пожалуй, не пытался, а играл: он мог легко заметить новый аккорд, новое свечение, озарившее одну из струн – ту, которой он не касался. Не трогал мыслью, не задевал неосязаемым ментальным усилием... И все же она вспыхнула и зазвучала!

Теперь к миру-клубку, называемому Амму Хамматом, скользили два огонька: фиолетовый и цвета ярко-алого рубина. Первый звучал ударами медных колоколов, был горячим, твердым и шершавым, словно не окатанный морскими водами камешек; второй, производивший впечатление гладкости, холодноватой стеклянистости, тянул долгую протяжную ноту,

похожую на стон горна, отпевавшего вечернюю зарю. Колокол-аметист – фиолетовый, горн-рубин – алый: такими они представлялись ему.

Но двух огоньков, двух струн, двух пылающих камешков быть не могло! Он отправил в Мир Снов лишь фиолетового странника – того, что отзывался колоколом, был горяч и шершав; прохладному же и стеклянному полагалось оставаться в безмолвии и темноте. Однако и его струна зазвучала! И То Место отозвалось двойным эхом, двумя всплесками серой мглы, так что об ошибке или иллюзии не стоило и говорить.

Никаких иллюзий! Он ощущал, как посланец-аметист стремится к многокрасочному водовороту избранного им мира, к той его точке, чей образ сохранился в памяти и чувствах; рубин же незванным гостем поспешал вослед. Две струны гудели ровно, наливались ярким светом, выпевали странную мелодию – звон колокола на фоне протяжного призыва трубы...

Этого не могло быть, но это случилось!

Впервые, насколько он помнил, Арфа вышла из повиновения.

Глава 2 СКИФ

Запястья и щиколотки Скифа стягивали прочные кожаные ремни. Еще один ремень шел от щиколоток к запястьям, так что, поднявшись, он не смог бы выпрямиться во весь рост – широкая полоса толстой кожи была слишком короткой. На шее у него блестел медный обруч с двухметровой цепью, которую днем пропускали в кольцо под лукой седла. Ноги при этом, разумеется, развязывали, но руки не освобождали ни на минуту. Через пару суток такой пытки Скиф уже почти не чувствовал онемевших пальцев.

Святой Харана! Вот он и попался, как кур в ошип! Вместе с Джамалем, верным компаньоном, странником из миров иных! И теперь оставалось лишь гадать, что ждет их в самом близком будущем: каменоломни, галеры или нечто еще более неприятное. Скиф хотя и был в душе романтиком и оптимистом, склонялся к последнему варианту.

Джамаль лежал на спине рядом с ним, согнув колени и глядя в ночное небо Амм Хаммата, усеянное яркими блестками звезд. Руки и ноги его тоже были связаны, медный ошейник подпирал нижнюю челюсть, всклокоченные черные волосы падали на лоб. Дальше скорчились в траве еще семеро собратьев по несчастью – семь парней и молодых мужчин неизвестной племенной принадлежности, все – грязные, лохматые, босые, облаченные в жалкое рубище. Джамаль не многим отличался от них: был так же грязен, бос, скручен ремнями и закован в рабский ошейник. Правда, одеяние его выглядело поприличней – некогда роскошная шелковая пижама в ярких разводах, изображавших павлиньи перья. В таком виде князь и заявился сюда, попав в амм-хамматские пределы прямо с больничной койки. Теперь, после трехдневных скитаний в дикой степи, пижама изрядно запылилась и разорвалась в дюжине мест; вдобавок шинкасы срезали с нее все пуговицы. И неудивительно – пуговицы были золотыми.

Сейчас вся их компания, все девять окольцованных и связанных невольников, располагалась меж двух костров под присмотром рослого вонючего бандита с огромной секирой, откликавшегося на имя Коготь. Был он одним из трех ближайших подручных Полосатой Гиены, которых Скиф называл про себя сержантами. Сам Гиена, по-местному – Тха, являлся невеликой кочкой на ровном месте, всего лишь шаманом и вождем маленького отряда степных разбойников – или, если угодно, капитаном. Но замашки и амбиции у этой толстой жабы были генеральские, что внушало Скифу самую острую неприязнь. Как говаривал майор Звягин, не стоит капитану принимать к генеральскому коньяку: пьян не будешь и свое пиво расплескаешь. Верная мысль! Скифу тоже казалось, что всякой гиене положено знать свое гиенье место: начальствовать над двадцатью шакалами, рвать глотки беззащитным антилопам и не строить из себя льва, готового схватиться с буйволом.

Так размышлял Скиф, с горечью сознавая, что он-то сейчас не могучий степной бык, способный поднять хищника на рога, и даже не быстроногая антилопа. Так, нечто вроде кролика-кафала... да еще со связанными лапами...

Желая отвлечься от мрачных дум, он повернул голову к Джамалю и тихо, сквозь зубы, пробормотал:

– Ну, выходит что-нибудь, князь?

Джамаль перекатился на бок и снизу вверх заглянул в лицо компаньону.

– Не выйдет это, дорогой, придумаем другое. Найдется кусок мяса, чтоб подманить шакалов... только выбрать надо полакомей, с тухлинкой...

– Поторопись с выбором-то, – произнес Скиф. – Иначе дело труба.

О себе он, впрочем, не тревожился; колокола Хараны-заступника молчали, а это значило, что он сумеет выкрутиться из любой передраги. Но вот Джамаль... С ним-то что

будет?.. С одной стороны, Скиф за него не отвечал, ибо таинственное явление князя в амм-хамматские пределы свершилось по собственной его воле и желанию, и был он сейчас не клиентом, коего полагалось лелеять да беречь, а равным партнером. И в этом качестве князь на законном основании подвергался всем опасностям и риску, всем тяготам странствий в жестоком мире прошлого, где судьбой человеческой правили меч, стрела да аркан. С одной стороны, все обстояло именно так; но с другой... С другой, Джамаль был ему дорог; и не просто дорог, а жизненно необходим. И самому Скифу, и Сарагосе, и всей Системе! Отсюда следовал бесспорный вывод: князя надо спасти, даже если для этого придется назвать пароль, досрочно прервав амм-хамматское странствие. Но такую возможность Скиф приберегал на крайний случай.

Сейчас Джамаль пытался решить проблему иными способами, не столь радикальными: уже два дня он внушал Гиене мысль забыть о пленниках, бросить их где-нибудь посереде степи и убраться к дьяволу. Или к нечистому Хадару, игравшему в шинкаском пантеоне роль Сатаны... Однако все усилия князя оставались тщетными; либо он не мог повторить фокус, сыгранный некогда с Зуу'Арборном, джараймским купцом, либо Полосатый Тха, смрадный хиссап, потомок ксиха, не поддавался гипнозу. Впрочем, надежды Джамаль еще не потерял.

– Как думаешь, – спросил он, по-прежнему заглядывая Скифу в лицо, – куда нас тащат?

Тот дернул плечом.

– Сказано было – к ару-интанам, в сеняков превращать... А дальше – понимай как знаешь! То ли продадут кому, то ли...

Он рухнул лицом вниз, едва не перевернувшись через голову; острая боль прострелила поясницу. Коготь, сын ксиха, приложился сапогом по самому копчику! Сапог у него был мягким, шитым из хорошо дубленной шкуры, но ступня не уступала крепостью лошадиному копыту.

Стоя над поверженным Скифом, Коготь с минуту разглядывал его. От шинкаса пахло немытым телом, пропотевшей кожей и конским навозом; ко все этим ароматам примешивался едкий запах пеки, местного хмельного напитка, который шинкасы потребляли в невероятных количествах.

Коготь прочистил горло, поиграл висевшей на шее серебряной цепью и внушительно произнес:

– Сену! Сену – не болтать, молчать! Твой, мутноглазая зюла, еще говорить, Коготь дух вышибать. Твой до арунтанов не доживать!

– Сам ты зюла, – прошипел Скиф, корчась от боли. – Зюла безногая, ксих недорезанный, хиссапья моча...

Новый удар, в почки, заставил его прикрыть рот. Поминать зюлу, ксиха или хиссапа считалось у шинкасов страшным оскорблением, и за первым ударом тут же последовали второй и третий – по одному за каждый непечатный эпитет. Зюла была огромной бородавчатой жабой, самого мерзкого обличья, обитавшей кое-где в лесных ручьях; ксих являлся абсолютным подобием земной свиньи, а хиссап напоминал бесхвостого койота, вонючего, словно скунс. Все эти тварюги Скифу еще не встретились ни разу, но ему пришлось свести с ними заочное и самое близкое знакомство, так как язык шинкасов наполовину состоял из проклятий, божбы да смачных ругательств. Правда, до русского в этой части было ему далеко.

– Молчать! – прикрикнул Коготь, раздуваясь от злости. Его физиономия, почти безногая, с огромной выступающей челюстью, побагровела, сальные черные пряди разметались по плечам. Остальные шинкасы, развалившиеся сейчас на траве по другую сторону костра, почти ничем не отличались от этого неандертальца: были такими же темноглазыми, смуглыми, плосколицыми, с ноздрями, смотревшими не вниз, а вперед. Скиф, светловолосый

и белокожий, казался им, очевидно, уродом, что подчеркивалось неоднократно и в самых крепких выражениях – и Полосатым Тха, бандитским капитаном, и его сержантами, Клыком, Когтем и Ходдом-Коршуном, и прочими воинами, включая распоследнюю шваль – Пискуна и Две Кучи.

Коготь ткнул пленника топорищем в ребра. Секира его весила килограммов пять и древко имела соответствующее – длиной в полтора метра, толщиной с лошадиную ногу, украшенное кольцами из серебра. Скиф уставился на нее с вожделием. Были б у него свободны руки... и если б он добрался до своей катаны и топора... или хоть до проволоки, зашитой в комбинезонную лямку...

Мечты, мечты! Ну, добрался бы, совладал с Когтем, самым крепким бойцом в отряде... Так ведь оставалось еще два десятка! Против них не выстоять... ни в одиночку, ни на пару с Джамалем... Разве что семь братьев-невольников помогут? Но с ними Скиф еще не успел свести близкого знакомства.

– Глядеть туда, мешок с дерьмом Хадар! – древко секиры вновь прогулялось по Скифовым ребрам. – Глядеть! – Коготь вытянул над костром длинную мускулистую руку. – Твой скоро менять на сладкий трава, вот так! Твой стать сему... ничего не понимать, ничего не видеть, не слышать, только работать. Пока твой видеть, понимать – глядеть! Глядеть, какой шинкас грозный воин! Бояться шинкас! Сильно бояться!

– Боялся моськи волкодав... – пробормотал Скиф, но тут Джамаль, вытянув связанные руки, коснулся его локтя:

– Слушай, дорогой, не надо, не заводись. Побереги здоровье. И погляди... Может, придумаем чего.

Совет был мудр; очевидно, поэтому Коготь и не приложился рукоятью секиры к пояснице торгового князя. Впрочем, с Джамалем шинкасы не рукоприкладствовали – оттого ли, что был он черноволос и смугл, как сами они и остальные пленники, или подчиняясь некоей таинственной эманации, исходившей от великого финансиста. Эманации сей не хватало, чтоб подчинить Полосатого Тха, но по крайней мере князь ухитрился избегать побоев.

Скиф, уже не огрызаясь, в угрюмом молчании уставился на пространство за костром, где важно восседал Гиена в ожерелье, в котором сверкали пуговицы с пижамы Джамала, с чашей пеки в левой руке. Троном степному князьку служили три седла, поставленные друг на друга; остальные седла и упряжь были аккуратно разложены в стороне, вместе с большими секирами, луками, колчанами и походными мешками. Имелось там и два-три длинных прямых меча, украденных либо отвоеванных у амазонок из Города Двадцати Башен; однако ни шлемов, ни металлических панцирей Скиф не замечал. Похоже, шинкасы брезговали доспехами, предпочитая идти в бой нагими по пояс, в одних своих устрашающих масках из размалеванной кожи.

Чуть дальше, за рядом седел и секир, фыркали стреноженные кони. Их, как всегда, стерегли Пискун и Две Кучи, обладавшие самым низким статусом в орде и потому назначенные на роль вечных козлов отпущения. Прочие шинкасы, числом восемнадцать, сгруппировались перед своим владыкой, размахивая легкими топорицами и ножами длиной в половину руки. Лица их прикрывали плотные кожаные маски, одевавшие, как знал уже Скиф, и во время сражения, и во время боевых плясок; то и другое посвящалось Шаммаху, богу Чистого, Одноглазому Кондору Войны, Всевидящему Оку.

Тха отхлебнул из своего серебряного кубка, шлепнул правой ладонью торчавший у колена небольшой барабан; резкий звук раскатился в сумраке ночной равнины. Из толпы выступили двое: коренастый Клык и широкоплечий жилистый Ходд-Коршун, самые сильные воины после Когтя. Клык был обнажен до пояса, и с шеи его свисало ожерелье, а Ходд щеголял в безрукавке из оленьей шкуры мехом наружу и широких браслетах. Каждый держал топорик с треугольным лезвием и длинный нож; маска Ходда пестрела серыми поло-

сами, маска Клыка была размалевана рыжей охрой. Скиф отлично видел обоих: света хватало, так как над степью уже взошли луны, темно-багровая Миа и Зилур, больший из двух серебристых амм-хамматских спутников.

Гиена вновь ударил в барабан, и гибкие фигуры воинов заскользили по кругу. Ноги их в мягких сапогах приминали траву, руки плавно двигались, словно отбивая некий ритм: взмах топором, два взмаха ножом, оружие скрещивается перед грудью, затем руки идут в стороны, вверх... И снова – взмах топором, два взмаха ножом. Постепенно движения шинкасов делались все быстрее, все стремительнее, а круг становился уже; наконец, они сошлись на расстоянии трех шагов.

Раздался грохот. Замелькали топоры и клинки, то отсвечивая алым в пламени костра, то сверкая чистым серебром или отливая багрянцем в лучах Зилура и Миа. Клык и Коршун танцевали, звеня оружием, и танец их был грозен. Пляска диких воинов, вступивших в почти реальный поединок! Они рубили и секли, наносили удар за ударом, отступали и наступали, уклонялись, делали быстрые выпады, то ныряли в сторону, то падали в траву, то подскакивали вверх. Фехтовальная техника, на взгляд Скифа, была невысока, однако пляска производила устрашающее впечатление. Казалось, один из воинов вот-вот рухнет на землю с пробитым черепом или дырой в груди.

Тха, степной князек, одобрительно кивая головой, потягивал хмельную пеку, подбадривал сражавшихся гортанными возгласами. Рука его опять потянулась к барабану, послышались четыре рокочущих удара, и четверо шинкасов из толпы, размахивая топориками, прыгнули к бойцам. Круг сразу стал шире; теперь шесть фигур металась за костром, и перезвон клинков сделался почти непрерывным.

Новые удары барабана – три, четыре, пять... Уже все шинкасы кружились в боевом хороводе, подобные сражавшимся насмерть демонам. Жуткие кожаные маски, скрывавшие их лица, трепетали; длинные пряди, словно десятки змей, скользили по плечам; ноги, подчиняясь грохоту барабана, отбивали четкий ритм. Внезапно, после двух резких ударов, кольцо танцующих распалось: теперь каждый бился со своим противником, но все девять пар в прежнем темпе двигались по кругу, вздымая свои топоры и ножи.

– Половецкие пляски, – пробормотал Скиф, чувствуя, как Коготь нетерпеливо переминается за спиной; охраннику тоже, вероятно, хотелось поразмяться.

– Женщин не хватает, – прокомментировал Джамаль и поскреб колено сквозь прореху в пижамных штанах. – Вах, не хватает! В театре, с девушками, все же лучше получается.

– В театре, – заметил Скиф, – у танцоров хоть шеи чистые. А эти... Грязны, как задница ксиха!

Разумеется, он тут же получил дровком по ребрам. Затем Коготь, склонившись к нему, дыша вонючим перегаром, прохрипел:

– Смотреть! Страшно, а? Какой шинкас воин! Чик-чик, – он похлопал по лезвию своей огромной секиры, – и голова – нету! Голова идти гулять к Хадар, кишки тоже к Хадар, а твой печень – жрать Коготь!

– Развяжи руки, ублюдок, и твой печень жрать хиссап, – ответил Скиф. – Твой печень и их печень тоже, – он кивнул в сторону танцующих.

Некий план начал складываться у него в голове; весьма рискованный, способный в равной мере привести к успеху либо к провалу. Тут уж все зависело от главаря шинкасов, от его чванства, амбиций и степени презрения, питаемого им к невольникам. Скифу казалось, что шансы у него есть, ибо недостатком самомнения Гиена отнюдь не страдал.

Коготь, вероятно, тоже. В очередной раз ткнув пленника топором, он хрипло расхохотался.

– Твой – кафал, а зубы скалить как пирг! Ха! Твой топор не держать, меч не держать! Твой видеть острое железо, мочиться со страха! Твой...

– Не нужны мне меч и топор! – прервал его Скиф, свирепо ощерившись и не обращая внимания на предостерегающие знаки Джамала. – Я без топора уложу любого! На выбор! И долго плясать у костра не стану! Не девка!

– Твой?! – изумился Коготь. – Твой – убить любого? Без меча? Без ножа? Без топора? – Он скорчил жуткую гримасу и резко выдохнул: – Твой – хиссап!

Затем, переложив секиру в левую руку, шинкас вцепился правой в ошейник Скифа и рывком поднял пленника на ноги. Тонкие губы Когтя скривились в злобной ухмылке, в глазах – узких, как амбразуры дота, – мелькнул опасный огонек. Намотав цепь на запястье, он потащил Скифа вокруг костра, пиная коленом под зад и рвякая:

– Твой – убить – любого! Ха! Вонючий червь! Кал ксиха! Отрыжка зюлы! Убить – любого! Ха! Твой кафала не зарезать! А шинкас – все шинкас! – великий воин! Любой выпустить твой кишки! Ха-ха! Выпустить одним ножом, без топора!

* * *

Кое-какие основания для подобных выводов имелись: слишком уж легко он им достался.

Три дня назад, когда Джамаль спас его от дурманного морока, Скиф, отдышавшись, тут же приступил к ревизии. В голове у него теснилось десятка два вопросов сразу – и как торговый князь сумел проникнуть в Амм Хаммат, и как оказался на опушке рощи, и почему убийственный запах падда вроде бы не повлиял на него, и каким образом человек, минутью раньше беспомощно пускавший пузыри на больничной койке, ухитрился выздороветь – исцелиться окончательно и бесповоротно, о чем свидетельствовали и его связная речь, и быстрые энергичные движения, и лукавый блеск темных глаз. Пожалуй, это внезапное исцеление являлось самым поразительным – и, разумеется, самым приятным моментом; но в первые пять минут Скиф даже не пытался разрешить сию загадку.

Он проверял свою память.

Проверял быстро, тщательно, словно бы экзаменуя сам себя, отвечая на вопросы некоей невидимой анкеты: имя, фамилия, адрес, основные факты биографии, события последних дней, задача, с которой его послали в Амм Хаммат, рекомендации и приказы Сарагосы, пароль... Он помнил все; на этот раз, похоже, кладовые памяти не потерпели ущерба, и объяснить это можно было лишь одним: он не терял сознания, а значит, дурные сны не успели овладеть его разумом и душой. Убедившись в этом, Скиф сразу почувствовал себя уверенней; сел и во все глаза уставился на Джамала.

Торговый князь был облачен в роскошную пижаму цвета нежной зелени, с яркими разводами и золотыми пуговками; если б не босые ноги и щетина на щеках, походил бы он сейчас на Гаруна аль-Рашида, заявившегося по-домашнему в свой гарем, чтобы скрасить ночь с одной из многочисленных одалисок. Волосы у князя были слегка растрепаны, лоб блестел от проступившей испарины, но вид он имел довольный и никоим образом не походил на идиота. На кретина, в беспамятстве пускавшего слюну в медицинском боксе фирмы «Спасение»!

«Отрадный факт», – подумал Скиф; затем встал, утвердился на чуть подрагивающих ногах и произнес:

– Ну?

Любопытное словечко! При случае может означать что угодно: «да» или «нет», согласие либо отрицание, возмущение или восторг, просьбу, решительный вызов или желание стусеваться. Наконец, вопрос; не конкретный, а самого общего свойства – мол, выкладывай, парень! Все выкладывай, до самого донышка!

Судя по лицу Джамалю, ситуацию князь понял верно.

Он хмыкнул, переступил с ноги на ногу, потом пробежался пальцами по золотым пижамным пуговкам, будто пересчитывая их; губы его отвердели, у переносья собрались морщинки, и Скиф вдруг понял, что перед ним стоит сейчас не тот Джамаль, Георгиев сын, с коим довелось ему странствовать по амм-хамматским лесам и равнинам, а некая загадочная личность, неизмеримо более значительная, властная и суровая. Это превращение свершилось словно бы в одну-единственную секунду: был Джамаль – и нет Джамалю. А вместо князя – чужой человек, и душа у него – потемки. Ну, может, не потемки, а тот самый серый туман, о котором толковал Сарагоса...

Оборотень! Двеллер из серой мглы! – мелькнуло в голове у Скифа, и рука сама потянулась к лазеру.

Но тут Джамаль заговорил:

– Вижу, сомневаешься, дорогой? Правильно, сомневайся... Сомнение полезно; сомнение – ключ к истине.

– А в чем она? – спросил Скиф, отмечая про себя, что даже интонации у князя изменились: грузинский акцент стал едва заметен, и речь сделалась как бы уверенней и чище.

– Истина – сложная штука, – произнес Джамаль, – и нет одной истины для всех, генацвале. У каждого она своя – у меня и у тебя, у Нилыча и у Доктора. И всякая истина сложна... Какую же ты хочешь знать?

– Твою, князь, твою. Если ты – прежний Джамаль...

– Прежний, – он кивнул головой и усмехнулся. – Почти весь прежний... ну, не весь, так наполовину. Джамаль, сын Георгия, из рода Саакадзе... может, князь, а может, не князь, но уж во всяком случае не то, что ты обо мне подумал.

– Наполовину... – протянул Скиф. – На одну половину... А на другую?

Джамаль вздохнул и вновь переступил с ноги на ногу.

– На другую – Наблюдатель. Ну, если хочешь – странник и гость... Но не из тех, которых ищет Нилыч. И потому не стоит тебе, дорогой, хвататься за пистолет. Я – союзник, не враг, клянусь могилой матери!

Странник и гость... Голова у Скифа пошла кругом.

– Это какой же могилой ты клянешься? – выдавил он. – Той, что на Марсе? Или в созвездии Ориона?

– Той, что на Южном кладбище, у Пулковских высот, – спокойно ответил Джамаль. – Там моя мама и лежит, рядом с отцом, уже года четыре. А другие... – он сделал паузу, подняв лицо к ясным небесам Амм Хаммата, – другие мои родители еще живы. Надеюсь, что живы, дорогой. Я, видишь ли, немного запутался со временем... Далекий путь, понимаешь? Не с Марса, нет, и не из созвездия Ориона... Дальше! Вах, как далеко!

Вах!

Это восклицание словно вернуло прежнего Джамалю. Скиф перестал нащупывать локтем ребристую рукоятку лучемета; брови его приподнялись, рот недоуменно округлился.

– Не понимаю, – пробормотал он, – не понимаю... Отец и мать на Южном кладбище... а другие дальше Ориона... Ты что же, два раза родился?

– Не два, четыре, – уточнил Джамаль. – Вот видишь, истина, как я сказал, сложна. Не всякий поверит, генацвале. Понял, нет?

Он так точно скопировал интонации Сарагосы, что Скиф невольно рассмеялся. Затем оглядел золотую рощу, сверкавшую метрах в двухстах на фоне изумрудного кедровника, бросил взгляд на холмы, пологими волнами уходившие на восток, в степь, и на горные вершины, что розовели южней, у самого горизонта, поднял глаза к бездонному бирюзовому небу, вдохнул воздух, пронизанный запахами трав и хвои. Он снова был в Амме Хаммате! В прекрасном и диком Амме Хаммате, рядом с Сиейей! И рядом с Джамалем... Сиейю еще пред-

стояло отыскать, но Джамаль был здесь, на расстоянии протянутой руки. Гость, странник, пришелец, четырежды рожденный – и все-таки Джамаль... Чужой – и близкий...

Он опустил взгляд на лицо князя, будто пытаясь отыскать в нем что-то странное, непривычное, нечеловеческое. Тот, вероятно, понял: глаза его насмешливо сверкнули, губы растянулись в усмешке.

– Что так смотришь, генацвале? У меня нет ни рогов, ни копыт, ни хвоста.

– Ты чужой... – в смущении пробормотал Скиф.

– Чужой, вах! Разве ты мало повидал чужих за последнее время? Ты даже любил одну красавицу... или любишь, а? Так что – она тебе тоже чужая? Или нет? – видя, что Скиф отвечать не собирается, князь – или Наблюдатель? – ободряюще похлопал его по плечу. – Сегодня чужой, завтра свой, генацвале. А для нас это завтра миновало еще вчера... когда мы с тобой тут бродили и мерились силой с полосатыми собачками... Разве не так?

– Так, – согласился Скиф, – так.

– Тогда идем! Солнце уже высоко, – прищурившись, Джамаль поглядел на золотисто-оранжевое светило, потом махнул в сторону ближнего холма.

– Идем! Вот только одежда у тебя неподходящая...

Князь ухмыльнулся, колыхнул лапами пижамной куртки.

– Это верно! Слишком я торопился вслед за тобой... Ну, ничего! Доберемся до наших девушек, будет и одежда.

Они направились к востоку, к холмам, за которыми лежала бескрайняя степь, поросшая низкой и высокой травой, пересеченная оврагами и ручьями, украшенная цветущим кустарником и древесными рощами. Где-то там, далеко, на восходе солнца, высилась огромная скала, а на ней стоял Город Двадцати Башен, девичье царство... Скиф, впрочем, полагал, что им не придется тащиться пешком в такую даль; рано или поздно встретятся путникам Белые Родичи или отряд Стерегущих Рубежи, а значит, будут и кони. На миг закрыв глаза, он ощутил ритм бешеной скачки, порывы ветра, бьющего в лицо, едкий запах конского пота... Сийя скакала рядом с ним; он слышал ее смех, видел, как вьется за плечами девушки белый плащ, подобный крылу чайки, как сверкает на солнце ее шлем с пышной гривой султана...

Поднявшись на ближайший курган, Джамаль остановился. Отсюда, с высоты, была видна изумрудно-зеленая полоска кедровника, окаймлявшая морское побережье; за ней равнина резко обрывалась вниз, к скалам и соленым водам, лиловевшим на западе. Море было пустынным: ни лодки, ни корабля. Проклятый Берег, припомнил Скиф. Так называли это место амазонки, и теперь он догадывался, почему: тут и там среди яркой зелени кедров светились золотые купола над рощами падда, деревьев дурных снов, недосыгаемые ни для человека, ни для зверя, ни для птицы.

Однако ж надо как-то добраться до них, промелькнула мысль. Хотя бы ветку с дерева раздобыть, как Пал Нилыч велел...

Взглянув на сосредоточенное лицо Скифа, Джамаль спросил:

– О чем задумался, дорогой? Что-то не так?

– Не так. Рановато мы направились в степь... Меня ведь сюда не гулять послали.

– Понимаю, что не гулять. И чего же ты хочешь?

– К роще подобраться. Пал Нилычу, понимаешь ли, образцы нужны. Кора, листья...

Да и на купола эти стоит поближе взглянуть...

Джамаль покачал головой.

– Не советую. Два раза я тебя вытаскивал, а в третий мы оба можем там остаться. Иначе действовать надо, дорогой.

– Иначе? Как?

– Помнишь, о чем девушки толковали? Есть, мол, среди них Видящие Суть, те, которые не спят и могут говорить без слов... Только им дозволено касаться падда. Выходит, известно

им, как попасть в рощу и как выбраться назад. Найдем их, поинтересуемся... – Джамаль устремил взгляд на восток, в сверкающую под солнцем степь, где обитали таинственные жрицы народа Башен. Затем, покосившись на Скифа, спросил: – Сам-то ты как на опушке очутился? Другого места выбрать не мог, а?

Скиф пожал плечами.

– Глупость вышла. Думал грешник о черте, вот и угодил на сковороду. Понимаешь, если в момент Погружения представить себе нечто конкретное... ну, море там или горы...

– Я знаю. Доктор находит подходящий мир, а уж место в этом мире ты выбираешь сам, если не договорился заранее. Я знаю!

– Знаешь? – подозрения опять ожили в душе Скифа. – А что ты еще знаешь? И как ты сюда попал? Ты же валялся в койке да пускал пузыри! Тебя ведь разрядником стукнули – эти, атаракты! Так врезали, что Сарагоса уже заупокойную по тебе отслужил!

– Много он понимает, твой Сарагоса! – Джамаль, усмехнувшись, начал спускаться по склону. – Мне нужно было попасть сюда, в этот мир, вот я и попал. Мы давно его искали... я искал, и другие... другие Наблюдатели... А пока искал, кой-чему научился у Доктора. Так что теперь, когда он проложит тропинку среди звезд, я пройду по ней и назад не оглянусь. Понимаешь?

– Нет! – Скиф решительно помотал головой. До сих пор ответы Джамала, неопределенные и уклончивые, лишь множили вопросы. К примеру, зачем он искал этот мир? И кто те другие, которые тоже участвовали в розысках? Что им было нужно в Амм Хаммате? И при чем тут Доктор? Если уж Джамаль сумел добраться до Земли и обзавестись там родителями, отчего бы не повторить этот фокус и в Амм Хаммате?

– Нет, не понимаю! – Скиф прикоснулся к плечу князя, словно хотел убедиться, что тот не призрак, не туманная тень, возникшая из небытия. – Не понимаю и не пойму, если ты не расскажешь все. Все! Откуда ты пришел на Землю, чего тебе надо, что ты ищешь и зачем? А для начала хотелось бы узнать, как ты из койки-то вылез? Ведь остальные...

– Остальные... – медленно протянул Джамаль. – Остальные – люди, а я все-таки не совсем человек... Конечно, если б они, – князь будто выделил это «о н и», – взяли за меня по-настоящему, и я бы не выдержал. Но разрядником меня не возьмешь! Так что считай, что болезнь моя была притворством. Неплохо сыграно, да?

– Неплохо, – согласился Скиф. – Но зачем?

– Шеф твой сказал, что отправит людей в Амм Хаммат... Сказал ведь, так? Еще говорил, может, и сам пойдет, верно? – Скиф молча кивнул. – Выходит, и я мог бы проскользнуть следом... за тобой, за Нилычем... Но разыскать нужную тропку непросто, дорогой! Тут лучше пристроиться поближе к Доктору – так близко, как сможешь подобраться. Вот я и подобрался... Дело случая!

– Случай, что к тебе атаракты заявились? Да еще стукнули разрядником?

Джамаль усмехнулся.

– Верно! Помогли они мне, вах, как помогли! Не хотели, а помогли! Попал я, как ты говоришь, в койку, метрах в пятнадцати от Доктора, считая напрямую. И когда он принялся над тобой колдовать...

– Ну хорошо, – сказал Скиф, представляя сейчас эту койку, скрытую мерцающей пленкой защитного кокона, – хорошо, с этим мы разобрались. А со всем остальным?

Об остальном Джамаль рассказывал не один час. Путники успели пересечь неширокую цепочку холмов, перебраться вброд через два-три ручья и углубиться в степь километров на двадцать. Оранжево-золотое амм-хамматское солнце поднялось в зенит, потом неторопливо покатило к западному горизонту, к морю, оставшемуся далеко позади; в прозрачном степном воздухе повеяло вечерней прохладой, стада газелей, оленей и антилоп потянулись на водопой, бирюзовое небо начало темнеть, наливаясь огненными предзакатными крас-

ками. Князь все говорил и говорил, и, слушая его, Скиф невольно задавался вопросом: кто же шагает сейчас рядом с ним? То ли прежний Джамаль, финансовый гений с темпераментом авантюриста, человек хоть и странный, но понятный, невзирая на все странности; то ли Наблюдатель с далекой и неведомой планеты Телг, четырежды рожденный в разных мирах, сменивший не одну личину, проживший не одну жизнь, преодолевший безмерные пространства – такие, что не постигнуть ни разумом, ни чувством.

Обе эти личности сосуществовали в Джамале в неразрывном и тесном единении. Пожалуй, о двух личностях не стоило и говорить; по сути дела, он являлся созданием на редкость цельным, помнившим как свою земную биографию, так и все прочие жизни, иные существования и ипостаси, объединенные одной задачей: разыскивать и наблюдать. Он вел свои поиски в трех мирах, считая с земным, и надеялся, что теперь его миссия близка к завершению. Личины, которые он надевал, не были чем-то искусственным и чуждым; возрождаясь в каждом мире, принимая новый облик и новую судьбу, он становился частицей новой своей родины – такой же, как любое из мириад существ, родившихся и проживших свой век на Земле. А значит, он был земным человеком, хоть сам временами утверждал обратное; и Скиф, успокоившись на сей счет, уже не видел разницы между Джамалем прежним и Джамалем нынешним.

Смеркалось, в небесах вспыхнули первые звезды, темно-красный диск Миа медленно всплывал над горизонтом, озаряя степь багровыми отблесками. Скиф, продолжая слушать речи Джамала, начал озираться по сторонам, присматривая место для ночлега. За день они одолели немалое расстояние и теперь приблизились к небольшому озеру у подошвы крутого холма. Водоем окружали заросли высокой травы, походившей по виду на бамбук; стебли ее, как помнилось Скифу, были мягкими и гибкими, но довольно прочными. Вполне подходящий материал, чтобы сплести сандалии для князя, решил он, выбрав это место для ночлега. Вода плескалась рядом, а в зарослях хватало сухостоя для подстилок и костра – правда, жарить на костре было нечего: днем Скиф не охотился, увлеченный беседой. Ну, ничего, подумалось ему, на первый раз обойдемся консервами.

Вскоре, нарезав сухих стеблей, они расположились рядом с банками в руках, то и дело прикладываясь к фляге. Перед ними пылал костер, разожженный вспышкой лазера; за кругом мерцающего света лежала холмистая степь, полная прохлады, таинственных шорохов и шелеста трав. Они поели; пища была еще земной, но вода в объемистой фляге и огонь, плясавший над грудой сушняка, уже принадлежали Амму Хаммату.

Но Скиф об этом сейчас не думал. Внимая речам Джамала, он будто бы отключился от реальности, забыл про темную амму-хамматскую степь, расстилавшуюся вокруг, про купола и золотые рощи, про город на скале, увенчанный двадцатью башнями, где поджидала его Сийя ап'Хенан. И даже о ней он не вспоминал в этот миг, ибо рассказы князя были такими же чарующими, как сказки Тысяча и одной ночи или эллинские предания о битвах богов и титанов. Правда, казалось ему, что Джамаль слегка обеспокоен тем, как будут восприняты его истории. Повествуя о делах удивительных и необычайных, он как бы старался подчеркнуть, что ничего удивительного и необычайного в них нет, что цель его поисков не столь уж отличается от целей и задач Системы, и сам он, наподобие Скифа, Самурая или Сентября, принадлежит к некоей межзвездной Суперсистеме, является ее агентом и полномочным эмиссаром.

Таковым был его статус, если определять его в земных терминах; и Скиф уже собирався успокоить своего компаньона, сказав, что теперь ему все понятно и что он не считает телгского Наблюдателя коварным инопланетным чудищем, а готов рассматривать его как союзника и коллегу. Но тут за спинами путников, в высокой траве, раздался шорох, а затем над ними взметнулась большая ременная сеть. Не успел Скиф выхватить оружие, как был повержен наземь, спеленут и связан; жуткие маски склонились над ним, а переверну-

тая лодка багровой луны, будто символ поражения, плыла в вышине, насмешливо покачивая днищем.

* * *

Коготь проволока его вокруг костра, не скупясь на зуботычины и пинки. Резким ударом о барабан Тха остановил танец, и теперь разгоряченные шинкасы сгрудились за спиной вождя, не выпуская из рук своих ножей и маленьких топориков. Маски их чуть подрагивали, и Скифу казалось, что они ухмыляются, предвкушая новое развлечение. От воинов разлило потом и кислым запахом хмельной пеки.

Цепь дернулась вверх, ошейник врезался в челюсть, заставив Скифа задрать голову. Он стоял перед Гиеной Тха в униженной позе, согнувшись и вытянув связанные руки ниже колен; ремень, соединявший запястья со щиколотками, не позволял выпрямиться.

Тха, на редкость упитанный среди своего сухощавого воинства, поерзал в седле толстым задом и оттянул двумя пальцами отвислую нижнюю губу – знак удивления, принятый среди шинкасов. Он не смотрел на пленника, видно, считая его недостойным ни взгляда, ни плевка; узкие щелочки меж припухлых век усталились на Когтя, лицо перекосила гримаса раздраженного недоумения.

– Что надо? – пропыхтел вождь. – Зачем твой тащить сюда этот падаль? Этот бледный вошь?

На следующий день после пленения Скиф выяснил, что язык степных разбойников ничем существенным не отличается от наречия амазонок. Слова оказались теми же самыми, но было их гораздо меньше, если не вспоминать о ругани; кроме того, глагольные формы отсутствовали напрочь. «Такие изыски, – размышлял Скиф, – не для шинкасов; под толстыми их черепами не наблюдалось изобилия мыслей. Они думали о вещах понятных и простых – о женщинах и лошадях, о драках, пьянках и жратве, о набегах и добыче, о золоте и серебре, о пленниках, коих ару-интаны обращали в покорных сену. Пожалуй, самым отвлеченным соображением являлась идея о собственном величии и непобедимости, сидевшая в темени всякого шинкаса словно гвоздь в доске; свои победы они считали естественной закономерностью, а поражения – происками злобного Хадара, нечистого и завистливого боже-ства...»

Скиф, руководствуясь этой доктриной, надеялся, что вызов его не останется без ответа.

Его охранник, сжимая в одной руке цепь, а в другой – огромную секиру, вытянулся перед вождем.

– Мутноглазая зюла говорить: убить шинкаса! Любой шинкаса! Любой воин! Убить без топора, без меча, без ножа. Ткнуть пальцем – и убить! Плюнуть – и убить! Ха!

Гиена почесал толстую щеку и ухмыльнулся.

– Зюла – ядовитый тварь. Ядовитый слюна! Вдруг плюнуть – убить, а? Убить! Семь ног Хадара! Быть Коготь – нет Когтя!

Выпустив цепь, Коготь поднес грязную ладонь к губам Скифа. Пальцы у него были толстые, с обломанными ногтями; кожа, покрытая валиками мозолей, напоминала древесную кору.

– Плюнуть! – рявкнул он. – Плюнуть!

Скиф плюнул, и шинкаса с торжествующим видом вытер ладонь о голый живот.

– Коготь не умирать! Коготь брать нож, резать глотку длинноносой крысе!

Воины за спиной Тха одобрительно загалдели, а сам князек в задумчивости принялся оглаживать то свое ожерелье, то отвислую щеку, то рукоять торчавшего за поясом меча. Меч этот был Скифу отлично знаком: его драгоценная катана в черном лакированном футляре,

ставшая добычей победителей, а с ней и охотничий нож, кисет с золотом и пуговицы с пижамы Джамала. Всем остальным шинкасы побрезговали, оставив в траве, у прогоревшего кострища, рюкзак, консервы, лазер, компас и прочее добро. Скиф полагал, что, не ведая назначения этих предметов, дикари сочли их бесполезными и недостойными называться добычей. Его скрутили ремнями и подвергли обыску, быстрому и не слишком тщательному, ибо понятия о карманах у шинкасов явно не было. Пластинка Стража, висевшая под рубахой, не возбудила их алчности, не нашли они и проволоку в комбинезонной ляжке, и плоскую коробочку, прощальный дар дяди Коли.

Тха наконец принял решение. Повернувшись к Скифу, он дважды ударил в барабан и с важностью произнес:

– Твой хочет драться? Твой будет драться. Шинкас смотреть и думать: вот кафал кусать пирга! Очень весело! Ха-ха!

Кафалами у шинкасов звались те безобидные длинноухие создания, полукролики-полукрысы, на которых Скиф с Джамалем охотились в амм-хамматских степях и лесах во время прошлого визита. Что касается пиргов, то они внушали степным разбойникам опасливую ненависть, так как хищников сильнее и страшнее их в степи не водилось. Впрочем, сила, ловкость и едва ли не человеческий разум пиргов пользовались у шинкасов уважением – в той мере, в которой этот дикий народ мог испытывать подобное чувство. Судя по репликам, услышанным Скифом, пирги являлись Белыми Родичами – уже знакомыми ему степными тиграми с белоснежной шерстью, заключившими союз с племенем Сийи ап'Хенан.

– Твой драться с Пискун? – спросил Тха. – Или с Две Кучи?

Это предложение было откровенным оскорблением: двое названных являлись слабейшими бойцами, самыми распоследними, самыми тощими, самыми грязными во всей орде и почти не имевшими украшений. Скиф презрительно сплюнул:

– Пирг не давит хиссапов!

– Пирг? Твой – пирг? – Гиена в изумлении оттянул губу. Сейчас он был особенно похож на жабу, на толстую коричневую жабу, внезапно потерявшую девственность. Его широкий безгубый рот приоткрылся, жирные щеки затряслись. – Хо-хо! Хо-хо-хо! Ну, мой поглядеть! Скоро поглядеть! Твой драться с Дырявый. Дырявый – сильный воин!

Этот шинкас был обязан своей кличкой рваному отверстию, зиявшему в щеке, сквозь которое просвечивали зубы. Скиф полагал, что эта дыра являлась напоминанием о встрече с амазонками, а точнее, с длинным копьём, коим воительницы владели с поразительной ловкостью. Дырявому еще повезло: копейный наконечник лишь взрезал плоть от нижней челюсти до скулы, вырвал клочок мяса и скользнул над плечом.

С пренебрежительной усмешкой Скиф ткнул пальцем в щеку.

– Дырявый – плохой воин! Женщина победить Дырявый. Женщина проколоть его копьём! Я – мужчина! Я не буду с ним драться.

Видимо, его предположение оказалось верным: Тха побагровел и раздраженно стукнул в барабан.

– С кем твой драться, отрыжка Хадар? Мой слушать тебя и думать: твой – прямо Кондор Войны, как Шаммах! Много болтать, а?

– Я хочу драться с ним! – Скиф мотнул головой в сторону Когтя. – С этим вонючим хиссапом!

– Хей-то! Пожрать твой Хадар! Коготь – лучший воин! Луна не успеть подняться, он кушать твою печень! И твой говорить, что взять Когтя без оружия? Без ножа, без топора?

– Взять, – подтвердил Скиф. – Я взять Когтя, отправить его к Хадар, ты отпустить меня, отпустить моего друга, отдать мой меч. Хорошо?

– Там посмотреть. – Гиена почесал жирные складки на шее. – Пока мой глядеть, как твой плясать с Коготь, и смеяться. Сильно-сильно смеяться! – Он повернулся к Когтю и отрывисто приказал: – Резать ремень! Брать нож!

Шинкас, сопевший за спиной Скифа, полоснул клинком ремни, и тот наконец выпрямился, разминая запястья. Руки были свободны, и ноги тоже; кровь снова пульсировала в пальцах, покалывая их острыми иголочками. Харана, бог с жалом змеи, верный Скифов хранитель, молчал; значит, судьба не сулила ему ни поражения, ни серьезной раны.

– Дерьмо ксиха! – прошипел Коготь, натягивая на лицо кожаную маску, столь же страшную, как собственная его физиономия. – Дерьмо ксиха! Мой спустить шкура, весь шкура с хиссап! Твой не стать сену, но арунтан не обижаться на Когтя, Коготь поймать других хиссап, других зюла, привести арунтан! Арунтан давать Коготь много сладкий трава.

Не слушая его злобного бормотанья, Скиф продолжал массировать руки. С ногами все было уже в порядке; он подпрыгнул несколько раз, потом обмотал цепь вокруг шеи, закрепив конец ее под ошейником. Его противник потянулся к торчавшей за поясом рукояти ножа.

– Э, нет! Пусть бьется секирой, – произнес Скиф, оборачиваясь к костру и пытаясь разглядеть лицо Джамала. Встревоженный князь приподнялся на коленях, остальные пленники тоже зашевелились, вырванные из обычной своей апатии. Никто из них добрых чувств к шинкасам не питал, а к Когтю – особенно.

– Биться топором? Большим топором? – рука Гиены вновь потянулась к нижней губе. – Нехорошо! Слишком быстро! Раз – и Коготь снять твой глупый голова! Не успеть повеселиться! Нож лучше.

– Топор, – настаивал Скиф.

Тха в раздумье помял отвислую щеку.

– Коготь – топор, твой – нож, – наконец распорядился он. – Так интересно. Топор – тяжелый, медленный, нож – легкий, быстрый. Твой, длинноносый крыса, быстро бегать, мой воины стеречь, чтоб не убежать совсем. – Он махнул рукой Клыку, и тот поднял свой лук и колчан.

– Пусть он оставит нож себе, – сказал Скиф, плюнув Когтю под ноги.

– Твой драться голой рукой? Мой говорить – нельзя! Шаммах не велеть! Шаммах тоже хотеть повеселиться! Долго повеселиться!

Шаммах, бог Чистого, почитаемый в облике огромного степного кондора, был кровожаден и неуступчив, так что спорить тут не приходилось. Рванув зубами комбинезонную лямку, Скиф вытащил заточенный обрезок проволоки, продемонстрировал его Гиене и пояснил:

– Я биться этим. Вместо ножа.

Неожиданно вождь шинкасов согласился. На его жирной физиономии расплылась ухмылка, глаза превратились в две крохотные щелочки, ладонь легла на барабан, пальцы дрогнули, выбивая короткую дробь.

– Не спешить, – сказал он, взглянув на Когтя. – Не спешить, безногий ящерица, или мой закопать твой в землю. Дать бледный вошь побегать. Побегать, хо-хо!

Барабан отрывисто грохнул, и бойцы начали сходитьсь.

Озирая рослую фигуру Когтя, Скиф перебирал в уме все способы, которыми мог прикончить этого дикаря. Их, изобретенных на Земле за пару тысячелетий, насчитывался не один десяток; одни годились в групповой схватке, когда предстояло сражаться с несколькими противниками, другие шли в ход против воина в броне, против всадника или человека с огнестрельным оружием, третьи – когда противостоял равный по силе враг, мастер рукопашного боя. Коготь, разумеется, таким мастером не был; полагаясь на свой топор и тупую мощь мускулов, он двигался с небрежностью дворняги, собиравшейся запустить клыки в цыплячье горло.

Но массивная секира шинкаса, и длинный нож, и свисавший с пояса кистень не значили сейчас ничего. Как говорил Кван Чон, сингапурский наставник Скифа, неуклюжий меч только щекочет воздух. И еще он говорил, что смертоносным оружием может стать любой предмет – карандаш или остро заточенная палочка, шнурок, игла, свернутый особым образом бумажный лист, шелковая нить... Но самым грозным и страшным орудием убийства являлся сам человек. В то же время он был уязвим в сотне мест; его глаза, ноздри, рот, уши, виски, нервные центры и кровеносные сосуды позволяли закончить бой одним ударом или превратить врага в инвалида на веки вечные. Древнее искусство ходу коросу, умение убивать обнаженной рукой, ценилось Кван Чоном превыше всего; он поучал, что ладонь надежней стального клинка, а быстрота и ловкость важнее защитной брони.

Живот Когтя, поднявшего топор над головой, был открыт. Одним стремительным выпадом Скиф мог проколоть шинкасу печень, пробить сквозь брюшину позвоночник, быть может, достать до сердца... Но Тха – Полосатая Гиена и Шаммах – Кондор Войны желали насладиться редким зрелищем, и потому Скиф подпрыгнул, перевернулся в воздухе и отпечатал подошву башмака чуть ниже ребер Когтя, угодив врагу в солнечное сплетение. Он не стал бить носком, такой удар мог отправить Когтя к Хадару раньше времени.

Шинкаса покачнулся, но устоял на ногах; из-под маски донеслось гневное рычание, потом огромный топор обрушился на Скифа. Но там, где сверкнуло стальное лезвие, была лишь одна пустота.

– Торопись, хиссап! Так мы побегать не успеем, – заметил Скиф, перемещаясь к границе светового круга. Теперь багровый диск встававшей на востоке Миа был у него за спиной, а шинкаса находился перед самым костром. Пламя немного слепило Скифа, но имелись в этой позиции и кое-какие преимущества. В конце концов разделаться с Когтем – не главная задача; важней удивить толстую жабу, восседавшую на трех седлах с чашей пеки в руках. Удивить, а еще лучше – напугать!

Скиф пал на землю, перекатился, поджал ноги к груди, ударил ступнями шинкаса по коленям. Тот рухнул на спину в двух шагах от пылающего огня. Маска задралась на лоб, приоткрыв распяленный в вопле рот, топор отлетел в сторону, и какую-то долю секунды Скифу пришлось бороться с искушением – подхватить секиру да и обрушить ее на башку Тха и грязные шеи его воинства. Но их было много, слишком много – даже для бойца, владевшего искусством рукопашной схватки. О луках тоже не стоило забывать: пользоваться ими шинкасы умели.

Под их выкрики и волчий вой Скиф поднялся и отступил к краю светового круга. Тха, покинув свое высокое сиденье, потрясал кулаками; глотка его извергала брань, щеки налились кровью.

– Моча хиссапа, блюющий кафал, гнилая плесень! Твой перепить пеки, а? Твой не стоять на ногах, вонючий ксих? Твой не держать топор? Твой спотыкаться, как жеребая кобыла? Недоумок, мокрица, падаль, отродье зюлы! Забрать твой Хадар! Забрать в Великую Паутину, пожрать сердце и печень, выколоть глаза, набить брюхо дерьмом!

– Подожди ругаться, толстозадый, – сказал Скиф, – может, твой ублюдок еще меня прикончит. Луна ведь только поднимается. Мы...

Он собирался сказать, что у них с Когтем еще хватит времени для танцев, но противник прервал его. С утробным воем вскочив на ноги, он ринулся к Скифу, и следующие четверть часа тот уворачивался, как змея, прыгал то в сторону, то вверх, падал в сухую траву, ударами башмака о топорнице изменял смертельный полет секиры, успевая ткнуть шинкаса отточенной проволокой в руку или в плечо. Кровь, мешаясь с потом, струйками текла по груди Когтя, воздух хлопотал в его глотке, тяжелый топор вздымался уже не с прежней резвостью, однако натиска шинкаса не ослаблял. Его соплеменники улюлюкали и рычали, Тха то стучал в барабан, поощряя своего бойца, то прикладывался к чаше, то бил себя по тол-

стым коленям. Невольники по другую сторону костра оживились и, как показалось Скифу, о чем-то расспрашивали Джамала. Но Наблюдатель и звездный странник внимания на них не обращал. На его небритой пыльной физиономии застыло выражение тревожной сосредоточенности, пальцы терзали ошейник, будто князь хотел оторвать его вместе с головой. Судя по всему, он не был уверен в том, кто окажется победителем, и мучился от бессилия.

Пора кончать, решил Скиф. Руки его вдруг распростерлись наподобие птичьих крыльев; правая, с зажатой в кулаке проволокой, пошла вниз, коснулась земли, подбросила вместе с ногами-пружинами тело в воздух; левая, с плотно сложенными пальцами, метнулась вперед, ударила, словно острое клинка, нацеленного в горло. Прием сей назывался поэтично, с присущей Востоку изысканностью: «южный ветер летит, окуная в воду одно крыло». Вот другим-то он и врезал Когтю – под самую челюсть!

Шинкас захрипел, опустил секиру и, шатаясь, сделал несколько шагов назад. Сейчас он находился спиной к костру, и желтые языки пламени как бы обтекали высокую темную фигуру; искры огненным фонтанчиком вихрились над головой, улетаая вверх, в ночное небо. Миа, багровая луна, стояла уже высоко, над горизонтом показался краешек диска серебряного Зилура, звезды горели многоцветьем сказочного фейерверка. Но за ними, за космическим мраком, чудилась Скифу иная тьма – черный полог Безвременья, о котором говорил Джамаль. Темпоральный вакуум, тропинка к иным мирам, к Фрир Шардису, к Ронтару, Альбе, Земле... к Амму Хаммату...

Коготь, прикрываясь топором, пытался увернуться от града ударов, но Скиф безжалостно загонял его в костер. Удары не были смертельными, но шинкас, хрипя и булькая поврежденным горлом, не мог ступить и шагу; сапоги его начали тлеть, потом занялись кожаные штаны, и Коготь испустил хриплый тоскливый вопль – точно волк, почуявший свою гибель. Он уже стоял в начале вечной тропы – не той, что вела сквозь пустоту Безвременья к иным равнинам и небесам, но убегавшей напрямик в пасть Хадара. К смерти и забвению!

В руке Скифа блеснула проволока, метнулась к левой глазнице дикаря, вошла под череп, жалящей змейкой проникла в мозг...

Хрип и вой смолкли, секира выпала из рук Когтя. Он начал оседать на подгибающихся ногах, опрокидываться в костер, но победитель, ухватив мертвеца за волосы, выдернул тело из огня. Запах паленой кожи и обгоревшей плоти ударил по ноздрям; сморщившись, Скиф поднял топор, отступил, волоча труп по траве, швырнул его на землю перед Гиеной, замершим в остолбенении, и сказал:

– Ну, хорошо повеселились вы с Шамахом? Прекратим пляски или продолжим?

Продолжение было ему на руку: если прикончить Клыка и Ходду-Коршуна, отряд останется без главарей. Лучше всего вызвать на поединок Тха, Полосатую Гиену, но об этом Скиф и не мечтал; вождь шинкасов слишком ценил свою шкуру, чтобы сражаться с мутноглазой длинноносой зюлой, уложившей лучшего его бойца.

Тха пришел в себя, спустил штаны и помочился на труп Когтя – высшая мера презрения среди шинкасов.

– Хадар любить соленое мясо, – выдавил он и кивнул воинам. Они обступили Скифа редкой толпой, настороженные, с топориками и луками в руках; десятки щелочек-глаз уставились на него, пасти приоткрылись, смрадное дыхание стаи хищников отравило воздух. Сейчас бросятся, решил Скиф и вскинул топор к плечу.

Но Тха, не подавая сигнала к нападению, деловито подтянул штаны и сказал:

– Мой веселиться, хорошо веселиться, и Шамах, Всевидящий Глаз, тоже. Хей-хо! Мой не видеть, чтоб голой рукой убить воина с топором. Никогда не видеть! А? – Он обвел взглядом своих людей, молчаливых, словно гранитные изваяния, потом ткнул Скифа кулаком в грудь. – Чудо! Такой чудо жаль отдать арунтан! Жаль делать сему! Такой, – он ткнул Скифа под ребро, – драться, с кем велю! Убивать! Убивать Большеногий из Клана Коня, убивать

Длинный Волос, убивать Змей-Кигу, убивать самый главный – Четыре Рога из Быков! И тогда мой – главный! Клык – вождь левого стремени, Ходд – правого, Копыто, Дырявый и Ноздря – с тысячей воинов позади! Хорошо, а? Мой бить в барабан, все пускать стрелы, бить топором, хватать падаль, делать сену! Моча хиссапа! Идти к горам, жечь город с ведьмами! Идти в лес с синим мхом, брать трусливых ксихов, тащить к арунган! Идти к Петляющей реке, брать поганых зюл Синдора, тоже тащить к арунган! Много воинов – много добычи!

«Ах ты, Чингисхан вонючий! Город с ведьмами тебе подавай!» – подумал Скиф. Вслух же он произнес:

– Мой тебя веселить, отправить Когтя к Хадар, твой обещать: отпустить меня, отпустить моего друга. Так?

Про меч он даже не упомянул; это было бы не слишком дипломатично.

– Мой сказать: посмотреть, – возразил Гиена. – Теперь думать так: мой снимать с тебя ошейник, твой брать топор Когтя, брать нож, брать ожерелье, брать коня и служить! Убивать, кого мой говорить.

– Не хочу я никого убивать, – сказал Скиф, уже не ломая язык. – Разве что Клыка с Ходдом да Копыто с Дырявым! Их – хоть сейчас!

Но Тха лишь хитро улыбнулся и молвил:

– Твой, бледная вошь, хотеть к арунган? Твой приятель, хиссап вонючий, тоже хотеть к арунган? Стать сену, а? Забыть про девок, про коней, про пеку? Все забыть, только сидеть на цепь и работать! Хотеть? Он выдержал паузу, но Скиф с угрюмым видом молчал. – Мой видеть – не хотеть! – торжествующе заключил Гиена. – Тогда слушать, что велено, и жить. Твой жить, приятель, жить! За то – мой приказать, твой убивать! Так! Убивать Большеногий, убивать Длинный Волос, убивать Змей-Кигу, убивать Четыре Рога!

– А если они драться не станут? – поинтересовался Скиф.

– Твой не понимать, а? Твой – недоумок, ксих, сын ксиха, зюла длинноногая! Шинкас всегда драться, ясно? Танцевать на закате для Шаммаха, бога Чистого, просить победу, просить богатство, просить власть! Воин танцевать, вождь танцевать, махать нож и топор. Твой видеть, да? Твой тоже будет танцевать – в стойбище, в большом кругу! Танцевать и колоть кого велю! Незаметно! Этим, – Тха покосился на окровавленную проволоку, зажатую у Скифа в кулаке.

«Колоть кого велю... Тебя первого, жирная гадюка! – подумал Скиф. – Не доживешь ты до стойбища, до своего большого круга! Не помашешь ножом да топором!»

Клык и Дырявый подошли к нему, заставили вытянуться на земле и принялись сбивать ошейник.

* * *

Утром над равниной пронеслась гроза – первая, какую Скиф наблюдал в амм-хамматских степях. Была она стремительной и внезапной; тучи напоззли с юга, со стороны гор, примерно час-полтора сверкали молнии, грохотал гром, теплые водяные струи впивались в землю, секли кустарник и травы, молотили по конским спинам, по плечам людей. Затем все прекратилось. Темные тучи разошлись, обратились в белые полупрозрачные облачка, оранжевое солнце вспыхнуло в бирюзовом небе, дождь отшумел, почва впитала влагу. Пожалуй, единственным напоминанием о скоротечной непогоде были капли росы в траве да запах, исходивший от шинкасов. Поменьше вони, побольше свежести... Но пекой от них несло по-прежнему. Костер утром из-за дождя не раскладывали, и воины, съев несколько горстей сушеного мяса, запили его хмельным, по четверти бурдюка на брата. Скиф от своей порции

отказался; пека казалась ему еще более мерзкой, чем пахнувшее жженой резиной зелье в кабаке папаши Дейка, у красноглазых альбийцев.

Положение его переменилось к лучшему. Теперь он не брел связанным в цепочке невольников, а ехал на мощном караковом жеребце по кличке Талег, еще вчера принадлежавшем Когтю. Вместе с конем ему достались серебряная цепь, мешок и все оружие победленного шинкаса – огромная секира для конного боя, небольшой топорик с треугольным лезвием, напоминающий томагавк, длинный кинжал, засапожный нож, лук со стрелами, сеть и связка кожаных ремней. Штаны и сапоги Когтя, как следует промытые дождем, он отдал Джамалю, и теперь князь, шагавший у стремени Талега, являл собой прелюбопытное зрелище: ниже пояса – сущий шинкас, выше – Гарун аль-Рашид, облаченный в роскошную пижамную куртку. Ввиду теплой погоды особой необходимости в ней не было, но под курткой был спрятан клинок – засапожный нож, который Скиф тайком передал князю. Руки и ноги Джамалю развязали, но обруч оставался на шее, и цепь надежно соединяла пленника с седлом Талега. Выходило, что Скиф присматривает за своим приятелем, а за ними обоими глядел Копыто, кряжистый шинкас с огромными ступнями. Правда, ни Скифу, ни Джамалю он не докучал, а больше интересовался содержимым своего бурдюка и к полудню был, что называется, готов.

Теперь компаньоны могли беседовать беспрепятственно. Двигались они в самом арьергарде, и перед ними маячили спины семерых невольников да крупы семерых жеребцов, на коих восседали стражи-шинкасы; основная же часть отряда во главе с Гиеной следовала впереди. Скиф вначале был удивлен таким доверием, если не сказать легкомыслием, но после зрелого обдумывания решил, что Гиена, жирный ксих, не так глуп, как кажется. Вероятно, невзирая на косноязычие и скудость мысли, он разбирался-таки в человеческой природе и справедливо полагал, что Скиф приятеля не бросит и в одиночку не сбежит. Ну а вдвоем на одной лошади, пусть даже выносливой и крепкой, компаньоны далеко бы не ускакали.

– Третий день идем на юг, – произнес Джамаль. – Замечаешь, дорогой?

– Замечаю, – буркнул Скиф, покачиваясь в седле. – Странное дело! Я-то думал, что они нас потащат к самой ближней роще – к той, откуда ты меня выволок.

– Не потащили, однако. Значит, есть у них свои расчеты и планы.

– Хорошо бы разузнать заранее. Этим бедолагам ничего не известно? – Скиф кивнул на цепочку пленников.

– Ничего, – ответил Джамаль, оглаживая заросшие черной щетиной щеки.

– Вроде ты с ними вчера толковал? Пока я занимался Когтем...

– Толковал. Это крестьяне, генацвале, мирные крестьяне из Синдора, с Петляющей реки – есть такая на востоке. Об этих местах они знают не больше нас с тобой. Тха схватил их пару недель назад, погнал к побережью, и ведомо им лишь одно: все превратятся в сену.

– В атарактов, – мрачно уточнил Скиф.

– Ну, в атарактов... думаю, здесь те же поганцы угнездились, что у нас на Земле.

«У нас, – отметил Скиф. – Выходит, Джамаль считал себя землянином – в той же мере, как разведчиком с планеты Телг. Что ж, неудивительно; на Земле он прожил сорок пять лет, но лишь тридцать из них занимался тем, для чего его послали. Правда, он помнил о прежних своих странствиях и прежних обличьях, иногда непохожих на человеческие, но сейчас он был человеком – таким же, как сам Скиф, как обитатели Земли, Амм Хаммата или, скажем, Фрир Шардиса...»

Вспомнив о Шардисе, Скиф на миг прижмурил глаза, представляя гигантскую гроздь разноцветных пузырей Куу-Каппы, возвышавшихся над зеленовато-синей морской гладью. Там крутились сейчас Девять Сфер, даруя избранным удачу, там властвовал переменчивый бог судьбы, там оставался друг Чакара, любопытный серадди, исследователь невероятного и невозможного... Но вряд ли он занят теперь чем-нибудь серьезным, решил Скиф; скорей

всего ухлестывает за дионной Ксарин, рыжей гадюкой, таскается с ней по лавкам да пьет жгучий бьортери с Островов Теплового Течения...

Он заглянул в лицо Джамалю и сказал:

– Что ж думают наши крестьяне из Синдора? И что собираются делать? Вроде бы они не жалуются на судьбу. Идут куда велено, напрямиком к демонам в пасть, так? Люди они или бараны?

– Вах, дорогой! Стоит ли их порицать? Они люди, однако не воины и меч в руках не держали. Раньше шли с покорностью, а теперь ждут, что мы их освободим... ты освободишь, генацвале. После вчерашнего ты для них – бог и господин, Паир-Са, Владыка Ярости.

– Это кто ж таков? – спросил Скиф.

– Пирг, я полагаю, Великий Небесный Пирг. – Джамаль пожал плечами. – Китока, их старший, все расспрашивал вчера, откуда мы взялись – то ли с багровой луны прилетели, то ли напрямиком с солнца?

– Откуда б ни прилетели, а без этих синдорцев нам не обойтись. – Скиф оглядел согбенные спины пленников. – Как думаешь, станут они драться?

– Почему же нет? Жизнь всякому дорога, генацвале...

Наступила пауза. Скиф размышлял о том, что прошло три дня, наступил четвертый, а он ни на шаг не приблизился к цели. Правда, время не потеряно: одни откровения Джамала стоили дороже дорогого. Но главной проблемы – как отделаться от шинкасов – звездный странник разрешить не мог. Впрочем, бодрости он не терял, будто плен, в который они угодили, являлся всего лишь зряшной помехой, недостойной серьезного беспокойства.

Приподнявшись в стремени, Скиф оглядел степь. Слева уходили к солнечному восходу пологие холмы, кое-где заросшие деревьями и кустарником, справа травянистая равнина тянулась до самого горизонта, впереди розовели вершины горного хребта. Большой отряд распугал всю живность, но, если приглядеться, можно было заметить то длинноухих кафалов, дежуривших у норок, то небольшое стадо антилоп с рогами в форме лиры, то странное животное с длинной шеей, напоминавшее жирафа-недоростка, – задрав голову, это создание ощипывало листья в одной из рощ. Иногда в траве мелькали полосатые спины огромных гиен-тха или неслышной тенью проскальзывал зловонный хиссап; но хищники держались в отдалении от людей. Скиф по прежнему опыту полагал, что местные твари умны и различают пешего от конного. Пеший был беззащитен и являлся законной добычей; всадник на быстром скакуне мог догнать, ударить вблизи клинком, издалека – стрелой. Правда, водились тут звери, не боявшиеся ни клинка, ни стрелы... Позвать бы их! Да как?

– Что высматриваешь, дорогой? – спросил Джамаль.

Скиф напряг память. Внезапно степной простор заслонило лицо Сийи; он увидел, как сходит она с коня в своих блистающих доспехах, как направляется к огромным белым зверям, ожидающим в траве. Движения ее были грациозны, точно у лесной лани; плащ птичьим крылом струился по пятам. Она заговорила, и голос девушки зазвучал в ушах Скифа перезвоном хрустальных колоколов.

Не глядя на Джамала, он начал медленно повторять:

Белый Родич, защитник и друг,
Владыка трав, повелитель гнева,
Вспомни о крови, соединившей нас.
Вспомни и говори со мной!

– Значит, белых высматриваешь? – Джамаль усмехнулся. – Зря, генацвале! Теперь ты сам – Пирг, Владыка Ярости и Повелитель Гнева! Вот и действуй как положено, не жди белых котов. Мы их тут не увидим. Ни их, ни наших девушек.

– Это почему? – спросил Скиф.

– Да потому, что идем к югу всего километрах в тридцати от моря и от Проклятого Берега. А в прошлый раз где мы их встретили? Там, далеко в степи! – Джамаль вытянул руку на восток. – Так что у побережья они не гуляют. Жаль, вах!

– Жаль, – согласился Скиф, думая, что слова князя верны и на чью-либо помощь в разборках с шинкасами рассчитывать не приходится. – Выходит, нужно этого Китоку с его командой воодушевить... так воодушевить, чтоб они в наших степных молодцов, хиссапов вонючих, зубами вцепились! Сможешь? – Он испытующе посмотрел на князя.

– Попробую, генацвале. С Гиеной-то ведь вышло... вышло все-таки. – Джамаль наморщил лоб. – Загадывал я иное, но все же...

Скиф, поперхнувшись от неожиданности, откашлялся, склонился к компаньону с седла, поймал взгляд темных зрачков князя. В них, словно в ночном амм-хамматском небе, мерцали серебристые искорки – ни дать ни взять два Млечных Пути из мириадом звезд.

– Что вышло? – невольно понизив голос, спросил он. – Что ты имеешь в виду?

– Ну, например, это, – Джамаль повертел свободными от пут руками. – И это... и это тоже... – Потрепав по холке жеребца, он кивнул на огромную секиру, что раскачивалась у седла Скифа.

– Хмм... Свобода, конь и оружие... Я правильно понял?

– Правильно, дорогой. Свобода, разумеется, относительная, но большего я добиться не сумел. Вах! Наш князек на редкость тупоголовый! Плохо поддается внушению. Ну, хоть голову твою не снял после вчерашнего, воином сделал... И то хорошо.

Не воином, а подневольным убийцей, отметил Скиф. Ассасином, который расчистит повелителю дорогу к власти... И препятствий на этой дороге не так уж много – Большеногий из Клана Коня, Длинный Волос, Змей-Кига да Четыре Рога из Клана Быков! Мелочь, собственно говоря! Он с охотой прирезал бы всех четверых, но первым – самого Гиену, жирного смрадного хиссапа!

Князек, покинув свое место во главе колонны, объезжал строй пленников, инспектировал прочность цепей и ремней. Эта проверка являлась для Гиены лишь поводом помахать плетью; удары сыпались на спины несчастных пленников вперемешку с обещаниями содрать с них кожу живьем, утопить в нужнике Хадара, скормить вонючим ксихам. Скорей всего Тха так бы и поступил, если б синдорцы не представляли определенной ценности. Тела их, правда, были никому не нужны, но души... Души можно было обменять на сладкую траву.

Скиф, скрипнув зубами, принялся наматывать уздечку на кулак. Руки заняты, и то хорошо – зудят меньше... Он испытывал страстное желание придушить Гиену, но понимал, что не всякая страсть разумна.

Мысли его вновь обратились к Джамалю. «Молодец, однако, князь, – промелькнуло в голове, – справился! Наколдовал! Без его незримой помощи дела могли обернуться куда хуже...» Представив толпу шинкасов, окруживших его у вечернего костра, Скиф нахмурился и постарался изгнать неприятное видение. Чем любоваться на Гиену с плетью в руке да вспоминать вчерашнее, лучше поразмышлять о гипнотических способностях звездного странника, проявлявшихся уже не в первый раз. Сам Джамаль утверждал, что ни в коей мере не является телепатом – чтению мыслей и внушению оных не обучен. Но какие-то паранормальные таланты у него, без сомнения, имелись: не телепатия, но эмпатия, способность убеждать – речами, жестами либо безмолвной передачей ощущений, чувств, эмоционального настроения.

Со слов Сарагосы Скиф знал, что подобным даром, пусть неосознанным и используемым интуитивно, обладают многие. Есть люди, объяснял Пал Нилыч, к которым испытываешь необоримое влечение – в том случае, когда ты им приглянулся; есть великие ораторы,

политики и вожди, способные убедить любого, что луна сияет под ногами, а джунгли растут в небесах; есть, наконец, певцы и актеры, коим дарована странная власть над чувствами людскими, умение пробуждать радость и горе, исторгать слезы или смех... Но Джамаль в отличие от прочих эмпаатов пользовался своим даром вполне сознательно и с немалой выгодой для себя. Правда, всесильным он не был; человеку благожелательному он мог внушить доверие и дружелюбные чувства, мог стремительно очаровать женщину, переубедить в споре, добиться выгодного решения, утешить, развеселить, ободрить... Но влияние его на характер тупой и злобный, натуру тщеславную и исполненную непрошибаемого самодовольства было ограниченным; ему удавалось лишь сыграть на одних слабостях мерзавца в пику другим.

«И на том спасибо, – подумал Скиф. – Если уж князь сумел распалить в мелкой душонке Тха наполеоновские мечты, то справится и с другой задачей – вселит в синдорских крестьян капельку героизма, искорку отваги, песчинку ненависти. И тогда...»

Он погладил рукоять секиры и с мрачным видом принялся пересчитывать раскачивавшихся в седлах врагов.

* * *

К вечеру путники добрались до обширной морены – гряды валунов, уходившей к югу насколько видел глаз. Камни тут были разные: одни – величиной с баранью голову, другие – с целого барана, а третьи – со слона или с пару слонов. Эти последние глубоко утопали в мягкой почве и поросли мхом с длинными бурыми прожилками; пожалуй, они походили больше не на слонов, а на стадо мохнатых мамонтов, что прилегли в траве да так и застыли навеки, скованные необоримой дремотой.

Справа от каменистой гряды, за ровным полем, тянулся кедровник. В одном месте его изумрудная лента была разорвана полукруглым строем золотых деревьев; их раскидистые кроны с огромными листьями и гроздьями ягод чуть слышно шелестели на степном ветру, одним своим видом навевая сон. У опушки рощи, тоже полукругом, темнело с десяток плит, сперва показавшихся Скифу вырубленными из камня. Потом он уловил металлический блеск, игру солнечных лучей на отшлифованной поверхности, и догадался, что эти монолиты не имеют отношения к лежавшей на востоке морене.

Вероятно, роща и металлические плиты при ней являлись целью их путешествия. Подумав об этом, Скиф склонился с седла и шепнул князю в ухо:

– Сегодня, Джамаль. Сегодня ночью... Ты уж постарайся, поговори с нашими синдорцами. Другого случая не будет.

Звездный странник молча кивнул. На лице его, озаренном последними лучами солнца, промелькнуло озабоченное выражение; потом он сунул руку под куртку, нащупывая рукоять спрятанного за поясом ножа.

Шинкасы тем временем спешили, расседлали лошадей и начали разбивать лагерь – в безопасном удалении от дурманых деревьев, почти у самых валунов. Заметив здесь следы прежних кострищ, Скиф решил, что место это посещалось не один раз: на камнях виднелся налет копоти, трава была вытоптана, а вытекавший из-под большой глыбы ручеек перекопан и углублен; на его илистом берегу сохранились отпечатки конских копыт.

Воины принялись раскладывать костры – не два, как обычно, а три; этот последний разводили в каменном кольце, сложенном из потемневшего гранита. Скиф вместе с пятью шинкасами и Джамалем рубил и таскал хворост – толстые и сухие стволы кустарника, пробиравшегося среди камней. Еще четверо степняков свеживали тушу жирафоподобного хошава, подбитого стрелами ближе к вечеру. Закончив с хворостом, Скиф внимательно осмотрел

зверя. У хошава были длинные ноги с раздвоенными копытами, мясистая полутораметровая шея, плоский горб жира на спине у самой холки, лошадиная пасть со сточенными пожелтевшими зубами. Небрежно содрав шкуру, шинкасы обрубали зверю ноги и принялись его потрошить, выкладывая внутренности рядом на траве. Руководил этой кровавой работой долговязый и плечистый Ходда-Коршун.

Когда он принялся вытягивать из распоротого брюха кишки, похожие на сизых змей, лицо Джамала перекошилось от отвращения. Заметив это, Ходда оскалил огромные зубы.

– Пожива Хадар! – буркнул он. – Шаммах кушать чистое, Хадар жрать нечистое; оба довольны, оба любить шинкасы, оба дарить удачу, защищать от арунтан!

– Жертва? – спросил Джамаль.

– Жертва, – подтвердил Ходда. – Шаммах и Хадар помогать, арунтан давать много сладкий трава. Столько за каждого! – Он широко развел руки, потом ткнул окровавленным лезвием ножа в сторону синдорцев. – Завтра этот кал ксиха стать сену! Полежать на камень, понюхать запах, все забыть! Хочешь? – с хищной усмешкой Коршун уставился на Джамала.

Князь насупил брови.

– Ты, дорогой, потроши свою зверюшку! Там поглядим, кто на камешек ляжет!

Он собирался добавить еще что-то, но Скиф предостерегающе потянул его за рукав пижамы, пробормотав:

– Молчаливому воздается вдвойне. Займись-ка лучше делом, компаньон.

Когда Джамаль, все еще хмурясь, отошел к пленникам, Скиф повернулся к долговязому шинкасу.

– Камни там? – спросил он, махнув рукой в сторону роши.

– Там, – подтвердил Ходда-Коршун.

– Люди дышать сладкий запах, стать сену, да?

– Не люди, мешок с дерьмом Хадар. – Тонкие губы Коршуна растянулись в усмешке.

– Шинкасы тоже нюхать запах, стать сену, так?

– Не так. Утром шинкасы взять ткань, закрыть рот, вести падаль, привязывать на камень – быстро, быстро! Убегать! Потом ждать... Ждать, пока Глаз Шаммах подниматься, ждать, пока Глаз Шаммах опускаться, ждать, пока Глаз Шаммах нет совсем. Отвязывать! Брать сену, брать сладкий трава. Нюхать трава! Хорошо!

– Нюхать трава – тоже стать сену?

Ходда-Коршун потрянул черными сальными лохмами и рявкнул:

– Твой глупый кафал! Твой свалиться с коня, ударить голову, так? Твой весь нечистый, сверху и снизу! – Он презрительно сплюнул. – Трава – слабый запах, хорошо! Где камень – сильный запах, плохо! Понимать, дурной башка?

– Понимать, – ответил Скиф, размышляя, чем бы еще поживиться в этом источнике ценнейшей информации. Глаз Шаммаха у шинкасов обозначал солнце, и со слов Коршуна выходило, что пленников выдерживают у камней примерно сутки. Видимо, из-за того, что к самим дурманным деревьям, где запах был по-настоящему силен и разил наповал, шинкасы не рисковали приближаться. Мудрая предосторожность!

Скиф, привычным жестом коснувшись виска, спросил:

– Арунтан делать сену, так? Потом выходить из роши, приносить много сладкий трава?

– Ходда говорить – твой кафал! Зюла мутноглазая! – буркнул долговязый шинкасы, с опаской поглядывая в сторону дурманных деревьев. – Арунтан не выходить. Арунтан никто не видеть. Никто, никогда! Глаз Шаммах подниматься и опускаться, трава уже лежать. Вот так, бледная плесень!

Речь степняков, хоть и понятная Скифу, была отрывистой и резкой. Соплеменницы Сийи, амазонки из Города Двадцати Башен, растягивали слова; в их устах название таинственных амм-хамматских демонов звучало как ару-интан, с отчетливым долгим «и» в сере-

дине. Несомненно, они являлись более культурным и высокоразвитым племенем, чем грабители-шинкасы – и, безусловно, более приятным на вид. От них пахло свежим степным ветром и ароматом луговых трав; их голоса звенели, как взметнувшиеся в воздух струи водопада, а песни и заклятья будили у Скифа воспоминания о гомеровском эпосе. От шинкасов же разило потом и брагой, и вряд ли они могли сложить хоть пару стихотворных строк. Песен, похоже, у них не имелось вообще, а главным видом искусства были вечерние пляски под рокот барабана и звон клинков.

Скиф, однако, надеялся выжать из Ходды-Коршуна еще что-нибудь интересное – о сену, ару-интанах и прочих загадочных материях, в которых ему полагалось разобраться. К примеру, кто, когда и как повелел шинкасам ловить пленников, обращая их в безмозглых тварей? Если подозрения Джамала были справедливы, то степнякам отводилась в Амм Хаммате та же роль, что Рваному с приспешниками на Земле. Действовали они, разумеется, попроще и поглубже, без разрядников и гравитационных метателей, без тайных убежищ и прочей конспирации, но суть от этого не менялась: шинкасы, так же, как банда Рваного, поставляли товар. Но, как бы ни хотелось Скифу взглянуть на заказчика, торопиться он не собирался – по крайней мере до тех пор, пока не вернет утерянное снаряжение. Самой ценной его частью был лазер с запасными батареями, который Скиф надеялся отыскать. Клинок, топор и стальная проволока годились против банды Тха, но для их хозяев нужно было обзавестись чем-то посерьезней.

Он снова принялся расспрашивать Коршуна, но выяснил немного – лишь то, что ару-интаны появились в Амм Хаммате в незапамятные времена и вступили с шинкасами в сделку. Вернее, даже не с шинкасами, а с грозным Шаммахом и нечистым Хадаром, ибо демонам полагалось общаться не с людьми, а с такими же могущественными существами божественного происхождения. Боги объявили степнякам свою волю – как положено, через шаманов и вождей; затем началась охота, длящаяся до сей поры. Шинкасы и прежде считались разбойным племенем, падким на чужое и предпочитавшим нож да секиру мирному посоху пастуха, однако невольников они не держали – невольники для кочевого народа были бы лишней обузой. Но теперь невидимые демоны, по милости Шаммаха и Хадара, не скупилась на сладкую траву – в обмен на нечто неосязаемое и, безусловно, ненужное двуногим хиссапам, коих здесь и там мог зацепить шинкассский аркан. Выгода получалась двойной, ибо ару-интаны превращали пленников в покорный скот, весьма ценившийся на юге, севере и востоке, а также в заморских западных странах. Впрочем, там, как понял Скиф, имелись свои Проклятые Берега и свои шинкасы, охотники за людьми.

Коршун, продолжая болтать, не забывал о деле, и через полчаса хошав был выпотрошен и поделен на две половины – чистую и нечистую. Тут к мясу важно приблизился Тха с барабаном в руках, выбрал кусок полакомее и буркнул:

– Мой! Жарить! побыстрее, задница ксиха!

Остальное мясо из чистой половины без церемоний свалили в огонь, пылавший меж камней. Гиена принялся что-то бормотать, изредка касаясь туго натянутой кожи барабана; потом, когда хошавьи ребра, череп и хребет почернели, а прочее обратилось в прах, велел бросать в костер брюшину, внутренности и ноги. Пританцовывая, он несколько раз обошел жертвенник по кругу, тряся толстыми щеками и взывая то к Шаммаху, то к Хадару, и наконец устроился на трех седлах со Скифовой катаной в руке. На благородный японский клинок был насажен шмат мяса; Тха обнюхал его и начал жрать. «Чтоб ты подавился, гадюка», – подумал Скиф.

Он вдохнул запах горелой плоти, закашлялся и под угрюмыми взглядами шинкасов отступил подальше от жертвенного костра. К счастью, ритуал заканчивался; оба божества уже получили свое. Шаммах, гигантский Одноглазый Кондор Войны, чьим Всевидящим Оком являлось солнце, сожрал верхнюю почетную половину; Хадару, семиногому пауку

с ядовитыми жвалами и бесчисленными звездами-глазами, досталась презренная нижняя часть. Согласно нехитрой шинкаской теологии, любая тварь – включая, разумеется, и человека – принадлежала от пояса и ниже злобному Хадару, а выше – грозному Шаммаху. В этом был определенный смысл, ибо у зверей вверху находилась голова с рогами, с пастью и зубами, а у человека, кроме того, две руки, в коих он держал оружие. Убивая топором, стрелой, рогом или клыком, все твари земные служили Великому Одноглазому. Что же касается нижней части тела, то в ней полезным был лишь детородный орган да отчасти ноги – топор и лук ими, конечно, не удержать, но можно хотя бы лягнуть врага. Все остальное считалось хранилищем мочи и кала, веществ гнусных и мерзких, коими завалена гигантская паутина, что плетет Хадар по ночам поперек бездонной небесной пропасти. В нее, разумеется, отправлялись все покойные враги шинкасов, тогда как сами степные удалыцы после смерти обитали на спине Шаммаха, прыгая среди огромных перьев на манер блох.

Тха покончил с жарким, священной долей вождя и шамана, и плавно переместился на землю, ерзая по ней задом и скребя жирную грудь. Остальные воины, заправившись пекой, лепешками и сушеным мясом, тоже возлегли у огня, перед ровным валом мешков с припасами, свернутых сетей, набитых стрелами колчанов, луков и топоров. В этот вечер половецкие пляски, вероятно, не предусматривались – то ли потому, что Шаммах с Хадаром уже задобрили жертвой, то ли из-за предстоящей назавтра нелегкой работы, то ли в связи с опасным демоническим соседством, не располагающим к танцам и развлечениям. Минут через пять шинкасы дружно захрапели, обратив ноздри к небесам; в хор этот вплетались далекий рык гиен, протяжные завывания хиссапов и заунывные вопли каких-то ночных птиц.

Уснули, впрочем, не все, как положено темной порой, когда яростное Око Шаммаха сменяют бесчисленные и холодные глаза Хадара. Не спал Скиф – жмурил веки, посматривал в нетерпении на Джамалю; не спал Дырявый, охранявший сегодня пленников, которые сгрудились в ярко освещенном пространстве меж двух костров; где-то в темноте дремали вполглаза Пискун и Две Кучи, как всегда присматривавшие за лошадьми. У Пискуна, тощего неуклюжего верзилы, был комариный голосок; напарник его вечно страдал животом – что, судя по всему, и явилось причиной для прозвища.

Скиф, которому полагалось теперь спать рядом с воинами, улегся с краю. Тут, на границе света и тьмы, он был почти незаметен; к тому же свежий ветерок отгонял неприятные запахи – дым костра и едкую вонь немых тел. Принюхавшись, он различил чуть заметный сладковатый аромат, которым тянуло от рожицы падда. Медвяный бриз оведал его лицо, вселяя бодрость и готовность к действию; голова была на удивление ясной, мышцы наливались силой, сердце мерными ударами отсчитывало секунды.

Теперь он знал об этом сладком запахе неизмеримо больше прежнего. Воздействие его, вероятно, зависело от концентрации: в очень малых дозах аромат падда бодрил, но передозировка вызывала наркотический транс, более или менее глубокий, а затем – смерть. При определенных условиях, размышлял Скиф, это зелье можно использовать месяцами или годами – так, как Догал и прелестная Ксарин, и как, несомненно, пользовались им шинкасы. Он почти уже не сомневался, что сладкая трава и пачки золотистого «голда» имеют одно и то же происхождение, однако гипотезу эту полагалось подтвердить. Сарагоса, его шеф, был из тех людей, которые верят не домыслам, но лишь твердо установленным фактам.

Костры начали прогорать. Рдеющие угли бросали слабые отблески на кучку жавшихся друг к другу пленников; редкие вспышки огня выхватывали на миг то лицо с опущенными веками, то нагую спину, скорченные плечи, поджатые к подбородку колени. Скиф глядел на этих синдорских крестьян, пытаясь угадать, как поведут они себя в бою и сколько их выживет после схватки. Вряд ли половина – шинкасы – были воинами опытными и безжалостными и к тому же вдвое превосходили пленников числом. Но иного выхода, кроме вне-

запной ночной атаки, Скифу в голову не приходило; он мог защитить этих людей лишь их собственными руками.

Дырявый сидел за костром, в трех метрах от связанных невольников, воткнув в землю древко секиры и опираясь на нее подбородком. Физиономию его скрывали длинные черные волосы, свисавшие до груди, и Скиф молчаливо порадовался, что не видит лица шинкаса: не так просто взглянуть в глаза человеку, которого через четверть часа отправишь на тот свет. Разумеется, Дырявый был скорей шакалом, чем человеком – такой же хищной тварью, как заключенные из вилуйской тайги и тайландские мафиози, едва не превратившие Скифа в калеку. Вспомнив об этом, он успокоился. Как говаривал майор Звягин, если обед на столе, остается только вытащить ложку.

Так он и поступил – но вместо ложки была у него остро заточенная стальная проволока, более надежная, чем топор или кинжал. Сжимая ее в кулаке, Скиф то посматривал на Джамалья, то переводил взгляд на амм-хамматское ночное небо: багровая Миа с усердием лезла вверх, на востоке разгоралось серебристое сиянье Зилура, и света с каждым мгновением становилось все больше.

Наконец князь сделал призывный жест, чуть заметно кивнув на дремлющего шинкаса. Скиф перевернулся на живот, бесшумно пополз в полумрак, распластавшись по земле, словно гигантская рептилия; его руки и колени ощущали мягкую влажную почву, грудь приминала траву, какой-то камешек упорно давил у самого локтя. Через секунду он вспомнил: не камешек вовсе, а маленькая круглая коробочка, запрятанная в нарукавном кармане, прощальный дяди Колин дар. Он так и не успел ее вытащить и рассмотреть: события обрушились на него стремительной лавиной. Сначала откровения Джамалья, звездного странника, потом – шинкасы... Совсем немало для четырех прошедших дней!

Он подтянул колени к груди, привстал на четвереньках и прыгнул. Левая рука метнулась вперед, клещами стиснув челюсти шинкаса; правая ударила сильно и резко, направив стальной стерженек в ямку под затылком. Дырявый всхрипнул, дернулся и тут же обмяк, словно куль с мукой; Скиф почувствовал, как на мгновение вздулись и опали упругие мышцы, как что-то влажное потекло по ладони – вероятно, шинкас прокусил губу. Освободив его от ножа, топора и кинжала, он приподнялся и бросил взгляд на спящих степняков.

Все было тихо – если не считать басистого разноголосого похрапывания да стонов ночной птицы, парившей где-то в вышине. Таинственно мерцали угли, багровый свет Миа скользил по травам и камням, поблескивал алыми всполохами ручеек, за которым паслись лошади. До них было не меньше сотни метров, и Скиф полагал, что ни Пискун, ни Две Кучи не всполошатся; оба сторожа сейчас наверняка дремали, устроившись под каким-нибудь обросшим мхами валуном.

Мимо угасающего костра Скиф проскользнул к Джамалю – тот, не теряя времени, уже вовсю трудился с ножом над прочными ремнями. Избавить синдорцев от ошейников и цепей он, конечно, не мог, но цепи не помеха в драке; главное, чтоб не гремели и не путались в ногах. Большинство синдорцев обматывали их вокруг пояса.

– Готовы? – прошептал Скиф, нащупывая плечо князя. Продолжая пилить и резать неподатливую кожу, Джамаль скосил на компаньона темный глаз.

– Я сделал все, генацвале. Почти все... Теперь ты с ними поговори.

– Поговорить? Сейчас не время для болтовни! Нам надо...

– Не торопись, – прервал его Джамаль. – Ты – Паир-Са, Владыка Ярости, их вождь. Они хотят услышать твое слово.

– Ну ладно. – Оглядев лица синдорцев, на которых страх мешался с решимостью, Скиф пристукнул кулаком о ладонь. – Ладно! Вы крестьяне, так?

Китока, кряжистый муж лет сорока, склонил голову.

– Так, господин. Прости, но руки наши привычны к мотыге и серпу, а сердца страшатся смерти и крови. И мы никогда не убивали людей, о владыка!

– Они, – Скиф кивнул в сторону спящих шинкасов, – не считают вас людьми. Для них вы – хиссапы! Трусливые кафалы, кал ксиха! И это станет правдой, если вы безропотно уляжетесь завтра на камни. – Он выдержал паузу, всматриваясь в тревожные глаза синдорцев. – Ну, так что решим? Драться, бежать, или... – Его рука вытянулась к темневшей неподалеку роще.

– Я не хочу становиться сему, – быстро произнес один из молодых парней. – У меня есть девушка... там, за Петляющей рекой...

Остальные поддержали его негромким согласным гулом. Скиф довольно кивнул.

– Тогда беритесь за топоры и рубите! Топор для крестьянина – все равно что мотыга или серп... Рубите! Там, за костром – полосатые тха, и они продадут вас демонам за пучок травы!

Сингарцы забормотали:

– Как прикажешь, Повелитель Ярости...

– Пусть слова твои не станут прахом...

– Во имя Безмолвных Богов...

– Паир-Са, спаситель наш... благослови...

– Спасите себя сами, – сказал Скиф, поднимаясь на ноги. – Семь топоров лучше благословения Паир-Са.

Подобно ночным теням они обогнули костер и разобрали секиры. Скиф отыскал меч – длинный прямой клинок, какими бились амазонки из Города Двадцати Башен; его рукоять украшали мелкие кроваво-красные камни, напоминавшие гранаты. Такое же оружие досталось Джамалю. Князь сбросил изорванную куртку, оставшись в одних кожаных штанах; сейчас, с обмотанной вокруг шеи цепью, с мечом в руках, он походил не на пришельца из иного мира, Наблюдателя с планеты Телг, а на дикого горца, свана или пшава, выследившего банду янычар. Вероятно, земные плоть и кровь, дар поколений воинственных предков, брали верх над разумом звездного странника. Или, как всякое существо во Вселенной, он был готов отвоевать свою свободу любыми способами – словом и делом, бластером или мечом?

«Не прикончили б компаньона в суматохе», – подумал Скиф, поднимая клинок. Но князь остановил его.

– Погоди... – шепот Джамалю был еле слышен. – Погоди... Сейчас...

Черты его окаменели, плечи напряглись – точь-в-точь как у Доктора во время Погружения. Очевидно, резкий и мощный ментальный импульс требовал немалых усилий; во всяком случае, со стороны все выглядело так, словно Джамаль пытался своротить горный хребет. Это сравнение молнией промелькнуло в голове Скифа, но через секунду он забыл о нем: кровь бешено стукнула в висках, жаркий ветер подтолкнул в спину, взъерошил волосы. Он услышал рев, не сразу догадавшись, что кричат синдорцы; потом увидел вскинутые топоры, яростный блеск глаз, искаженные ненавистью лица...

В следующий миг все смешалось в гуле и грохоте схватки. Скиф не мог уследить, сколько шинкасов рассталось с жизнью в момент первого удара; быть может, шесть или восемь, зарубленных прямо у костра, не успевших вскочить, схватиться за оружие... Смерть их оказалась стремительной и легкой: они перенеслись из дремлющей амм-хамматской степи прямо на спину Одноглазого Кондора, великого Шаммаха, парящего в вечности и пустоте.

Но остальные шинкасы туда не торопились. Гневный вопль нападавших и звериное предчувствие опасности подняли их на ноги; не успев понять, с кем завязалась стычка, они уже рубились с неведомым врагом, дико вскрикивая, скаля зубы, размахивая длинными ножами. На стороне синдорцев были внезапность, бешенство отчаяния и тяжелое оружие,

наносившее смертельные раны; но степняков насчитывалось больше и время работало на них. Они были привычны к резне, они были искусны и жестоки, и в их руках кинжалы и легкие топоры стоили тяжелых секир синдорцев.

Вероятно, невольников положили бы в первые пять-десять минут, если б не меч Скифа. Ярость, которую он ощущал, странным образом не лишила его осторожности – или, быть может, мышцы его, тренированное тело бойца-профессионала обладали способностью действовать сами по себе, не испрашивая у разума ни разрешения, ни совета. Двух степняков он поразил прямо на земле – короткими страшными ударами, пробившими насквозь ребра и сердца; двух пытавшихся приподняться рассек от плеча до пояса. Затем его длинный клинок скользнул за спину, отбивая удары ножей и похожих на томагавки шинкаских топоров; кто-то вскрикнул, задетый острием, кто-то помянул Хадара, кто-то в ярости заскрипел зубами...

Скиф стремительно повернулся. Перед ним были трое; он узнал их в переменчивом лунном свете и багровом мерцании раскаленных углей. Клык, ощерившись, раскачивал метательный нож, Копыто заходил сбоку, грозя томагавком, у третьего, Шелам-Змеи, правая рука висела плетью, но в левой подрагивал тяжелый окровавленный кистень. У ног его распростерся труп сингарца с проломленной головой.

– Хиссапы!.. – в холодном бешенстве выдохнул Скиф. – Хиссапы!

Клинок, будто направляемый волшебным заклятием, метнулся к запястью Клыка, и тот, взыв, выронил нож. Следующий удар пришелся по черепу; хлынула кровь, заливая лицо шинкаса, и хриплый вой перешел в предсмертные стоны. Топор Копыта глухо звякнул о подставленное перекрестье меча, шипастый кистень просвистел у самого виска Скифа. Но, видно, Харана, бог с жалом змеи, был посильнее шинкаских демонов – и одноглазого стервятника, и семиногого паука, сплетающего сети в ночных небесах. Как бы то ни было, они не ворожили ни Копыту, ни Шеламу, а войны, покинутые богами, обречены на гибель.

Похоже, Шелам это почувствовал – отпрянул в сторону, дернул кистень к себе, пригнулся, ожидая взмаха меча. Но Скиф ударил его тяжелым башмаком – ударил в полную силу, нацелившись в колено; хруст костей не был слышен за грохотом свалки, но этот враг уже опасности не представлял. Затем его клинок сверкнул снова, и рука Копыта вместе с топором полетела в костер. Жарко вспыхнули угли, язычки пламени заплясали на топорище, едкий запах паленой плоти наполнил воздух. Копыто взревел, пытаясь зажать огромную рану ладонью.

Двумя ударами Скиф покончил с ними – и с приземистым коренастым Копытом, и с увертливым Шеламом-Змеей. Теперь наступил черед долговязого Ходды-Коршуна, Гнилой Пасти, Косматого и Каша-Клинка; все они были крепкими воинами, коих не стоило упускать из вида. Но в полутьме, среди беспорядочно метавшихся фигур, Скиф не мог найти их, а потому принялся рубить направо и налево. Он убил еще четверых или пятерых (кажется, Косматый и Гнилая Пасть тоже подвернулись под его клинок), пока не добрался до самой середины свалки. Тут сражались трое на трое: Джамаль и два молодых синдорца против Ходды, Каша-Клинка и Полосатой Гиены. Искусство и силы бойцов были явно неравны; в результате один синдорец уже истекал кровью, а второй с трудом оборонялся от Каша, крутившего над головой кистень. Что касается Джамали, то длинный клинок позволял ему держать Ходду на расстоянии – пока шинкас не дотянулся до метательного ножа.

Ненависть толкала Скифа к Гиене, но звездный странник стоил подороже сотни вонючих амм-хамматских князьков. К тому же деваться Тха было некуда; одно дело вступить в бой пешком, и совсем другое – удрать в степь без коня. Скиф не сомневался, что догонит жирную жабу на первой сотне шагов, а потому, оттолкнув Джамали, подставил клинок под топор Ходды-Коршуна. Они бились минут пять, ибо Ходда виртуозно владел томагавком и в отличие от Клыка не забывал об осторожности. Но Скиф был сильнее и быстрее долговязого

шинкаса; стоило тому чуть замедлить темп, как лезвие меча рассекло топориче, а с ним и шею Ходды-Коршуна.

Каш уже валялся на земле с клинком Джамала меж ребер. Князь, вроде бы целый и невредимый, отдувался, вытирал вспотевший лоб и поглядывал по сторонам; похоже, битва была закончена и, кроме Гиены, ни один противник не помышлял о сопротивлении. Впрочем, Тха тоже не собирался лезть в драку, ибо семнадцать его воинов лежали на земле, все – мертвей мертвого; а с ними – и пятеро синдорцев, не подававших никаких признаков жизни. За ручьем послышались крики, конское ржание, затем – гулкий топот копыт. Скиф довольно кивнул: похоже, Пискун и Две Кучи пустились в бега, не помышляя о воинской славе.

Он поманил рукой юного синдорца, перемазанного кровью с головы до пят. Кажется, этого парня ждала девушка за Петляющей рекой? Что ж, ей повезло...

– Как тебя зовут, воин?

– Сайри, мой повелитель.

– На ногах стоишь?

– Да, Владыка Ярости, – юноша поклонился. – Мне посекали кожу на ребрах. Крови много, но ничего, ничего... Теперь я не боюсь крови, клянусь Безмолвными Богами! Я и вправду стал воином! Скажи, господин, что нужно делать?

– Присмотреть за лошадьми. Надеюсь, эти два ублюдка не угнали весь табун. – Когда Сайри исчез в темноте, Скиф бросил взгляд на второго синдорца – тот, раскачиваясь, держался руками за живот и протяжно стонал. «Плохая рана, – промелькнуло в голове Скифа, – не выживет парень...» Покачав головой, он сказал Джамалу: – Посмотри, что с ним. Может, найдется чем перевязать...

Затем Скиф повернулся к Гиене. Жирный шинкас, бросив катану и приоткрыв рот, глядел на него с ужасом – так, как кафал смотрит на пятидюймовые клыки оскалившегося пирга. Даже без устрашающей маски физиономия Тха казалась пародией на человеческое лицо – темные дыры ноздрей, отвисшая челюсть, безгубая жабя пасть, глаза, скрытые тяжелыми веками... Пряди сальных волос в беспорядке рассыпались по плечам, словно змеи с отрубленными головами, на груди, под ключицей, алела длинная царапина.

Не говоря ни слова, Скиф поднял катану, сорвал с пояса Тха лакированные ножны и бережно вытер их о траву. Потом рявкнул:

– Снимай сапоги! И штаны, отрыжка хиссапа!

Штаны были кожаные, прочные, на широком ремне. Ремнем Скиф обмотал запястья Гиены, штанины разрезал и завязал у колен. Тха, сообразив, что его не собираются убивать, оживился.

– Мой богатый, – сообщил он. – Шаммах мой любить, слушать, что мой говорить. Мой сказать Шаммах: твой – пирг, великий воин! Мой – жить, Шаммах дать твой удачу. Мой – жить, твой получать выкуп. Конь, золото, пека, женщина – много женщина! Еще – сладкий трава.

– Засунь ее себе в задницу, – буркнул Скиф, подтаскивая шинкаса к костру.

– Почему задница? Мой жить, твой стать богатый! Богаче ведьма с города на скале! Много женщина, много пека! Твой спать женщина, пить пека, нюхать трава... Хорошо?

– Завтра ты у меня нюхнешь травки, падаль! – Скиф пнул пленника ногой, сплюнул и направился к Джамалу.

Звездный странник склонился над сингарцем, лежавшим на спине. Тот уже не стонал и не хрипел – видно, лишился сознания. Кулаки раненого были стиснуты, губа прикушена, волосы над левым ухом набухли кровью; его живот, от ребер до паха, пересекал глубокий разрез. Пробит череп и распорот кишечник, понял Скиф; кишечник, печень, почки и бог знает что еще... Ничего не скажешь, шинкасы умели пользоваться своими кистями и ножами!

– Китока мертв? – спросил он, вспомнив о предводителе сингарцев.

– Мертв, – угрюмо подтвердил князь. – Еще четверо убиты, а этот... этот умирает... Долго будет умирать, генацвале!

– Долго, – согласился Скиф. Тут вспомнилось ему, как во время схватки с шинкасами, еще в первое их странствие по амм-хамматским степям, Джамаль ударил врага мечом в живот. Жестокая рана! Профессионал так не поступает... Однако в отличие от бандитов Тха звездный странник не был профессионалом, когда дело касалось убийства. Просто человек, разъяренный и перепуганный, сражавшийся за свою жизнь...

Того подраненного шинкаса добила одна из амазонок, прикончила быстрым и милосердным ударом копья. А что делать с этим умирающим синдорцем? С крестьянином, взявшимся за боевой топор, чтоб отвоевать утраченную свободу? У Скифа не поднималась на него рука. Разумом он понимал, что этот парень обречен и что скорая смерть лучше смерти в невыносимых муках, но чувства говорили иное. Он не мог хладнокровно перерезать сингарцу глотку!

Джамаль, поцокав языком, произнес:

– Ну, что скажешь, дорогой? Тут не Телг и не Земля... Да и на Земле с такими ранами... – Он положил ладонь на лоб сингарца и страдальчески сморщился. – Два или три дня еще проживет. Стонать не будет, есть-пить не будет и слова не вымолвит. Вах! Что тут поделаешь? Боль я попытался бы снять. Или...

– Или, – промолвил Скиф, уставившись в землю. – Если ты можешь, сделай так, чтобы он ушел без мучений. И поскорее.

– Хорошо.

Молчание. Полминуты, минута, полторы...

Когда Скиф поднял глаза, ладонь князя по-прежнему лежала на лбу синдорца, но тот, казалось, уже не дышал. Кровь из раны над ухом перестала течь, рот умершего приоткрылся, будто бы в улыбке, стиснутые кулаки разжались, веки скрыли лихорадочный блеск зрачков.

– Знаешь, – сказал Джамаль, – не видел я их Петляющей реки, но Кура у стен Тбилиси тоже красиво... Тридцать лет назад, когда мне исполнилось пятнадцать, я уезжал к вам, на север. Помнишь, рассказывал тебе, что заболел? Маялся с головой...

Скиф молча кивнул; теперь ему было известно, какая болезнь приключилась со звездным странником в пятнадцать лет.

– Так вот, – продолжал Джамаль, не убирая руки со лба сингарца, – отправился я к реке. Совсем мальчишка, понимаешь... Худо мне было и страшно; думал, сдохну или с ума сойду... вроде я – и не я... Я – Джамали Саакадзе, школьник, сосунок, и я – Ри Варрат с какого-то Телга... Ри Варрат, Наблюдатель в четвертом рождении... Ну, будто звездный джинн в меня вселился! Как в страшном сне... – Он помолчал, поскреб обросшую темной щетиной щеку. – Вот и отправился я, значит, к реке... Вода – прозрачная, журчит, бежит по камням, небо – синий шелк, кизил в цвету – алый бархат, солнце глядит с улыбкой... доброе солнце, грузинское, не такое, как в Питере... Посмотрел я на солнышко, дорогой, и решил – к чему подыхать? Вах, Джамали, говорю себе, не будь ослом тупоголовым, и с джинном с Телга можно ужиться, смотря какой джинн! Ты понимаешь красоту, он понимает красоту – вот вам и мостик друг к другу! Подумал я про мост и джинна своего, что ждет на том берегу Куры, и сделалось мне легче...

Скиф удивленно приоткрыл рот. С одной стороны, эта история, как многие иные речи звездного странника, пахла земными, а не инопланетными ароматами, что было, разумеемся, приятно. Но с другой... Здесь, под двумя лунами чуждого мира, среди истоптанной и залитой кровью травы, рядом с мертвецами, изуродованными варварским оружием, повданное Джамалем казалось фантастическим и неуместным. Серый холодный Питер и розо-

вый теплый Тбилиси остались за гранью реального бытия; там, по другую сторону вечности, струились стальные невисские воды и прыгала, звенела по камням прозрачная Кура.

Взглянув на задумчивое лицо Джамалы, он произнес:

– Зачем ты мне это рассказал? Никак тебя домой потянуло? Только вот куда – в Тбилиси, в Питер или на Телг?

– Я не тебе рассказывал, ему. – Джамаль кивнул на мертвого синдорца. – Рассказал и показал... реку, небо, солнце и цветущие кусты кизила... Видишь, он улыбается! Значит, умер счастливым! Человеком умер, не безмозглым сему, понимаешь?

За ручьем заржали лошади – Сайри, видно, сбивал их в табун, собираясь подогнать поближе к кострам. Темно-багровая Миа стояла в зените, серебряный Зилур догонял ее, а самая меньшая из лун, Ко, напоминала о себе лишь слабым заревом над южными горами. Скиф оглянулся на пленника, неподвижным кулем лежавшего в траве, посмотрел на груды трупов, на мертвых степняков и синдорцев, вздохнул и сказал:

– Давай-ка, князь, собью я с тебя ошейник. А потом сядем у костра, отпразднуем победу, выпьем пеки... Хотя и мерзкое зелье, да чем еще синдорцев помянуть? Ну, заодно и тебя окрестим.

– Вах, генацвале! Что меня крестить? Я и так крещеный, – возразил Джамаль, глядя на компаньона снизу вверх.

Но Скиф замотал головой.

– Я не про тот крест, что тебе в детстве навесили. Когда в первый раз ходили мы в Амм Хаммат, ты был клиентом, а я – проводником. Ты вроде как куражился да развлекался, а я тебя лелеял и берег... Ну а теперь расклад другой, верно? Теперь мы в равных правах – идем вместе и деремся вместе, как Пал Нилыч со всей нашей командой... там, у Приозерского шоссе!

Брови Джамалы поползли вверх.

– Это где Сингапура убили? И еще двух ваших?

– Убили, – подтвердил Скиф, выбирая секиру потяжелее, – убили. Значит, команда нуждается в пополнении, так? И коль уж ты увязался за мной, звездный джинн, ты этим пополнением и будешь. Не Наблюдателем с Телга, а землянином и агентом звена С, разведчиком Системы.

Князь приглядел подходящую глыбу гранита и вытянулся рядом на земле; цепь и ошейник глухо заскребли по камню.

– Так ты меня, дорогой, и кличкой осчастливишь? – усмехаясь, произнес он. – Как там у вас положено? Смерч, Скелет, Сердар или Сирена?

– На скелет ты не похож, на смерч и сердара не тянешь, а вот Сирена – в самый раз. Умеешь обольщать! – Скиф размахнулся и с одного удара перерубил цепь. – Но Странник все-таки лучше. Ты ведь Странник и есть – Странник, пришедший издалека.

Глава 3 ДОКТОР

Нити распались. Две главные струны, аметистовая и цвета алого рубина, по-прежнему были вместе, сопровождаемые тремя десятками иных, гораздо менее ярких паутинок – тех, что относились к неживым предметам. Но многие нити, столь же неощутимо тонкие, покинули первоначальный шнур и замерли в огромном пестром клубке Амм Хаммата. Эта картина, воспринимаемая им как разветвление цветных потоков, красок, запахов, мелодий, не представляла собой чего-то загадочного; с подобным он встречался раньше и знал, как идентифицировать такую ситуацию.

Странники расстались с частью своего снаряжения. Он смог бы проследить, с какой именно, но это означало дополнительный расход энергии и не являлось в данном случае необходимым. Сигнал тревоги не поступил, а значит, посланные в Мир Снов не подвергались серьезной опасности, что бы ни было потеряно ими – оружие, пища, приборы или иное добро. Неживое не представляло особой ценности; каждый предмет он мог извлечь вместе с людьми, когда их странствие завершится.

Обратный переход не требовал таких усилий, как предварительный поиск и Погружение. Связь с путниками и контроль их перемещений вообще не составляли труда; днем и ночью, бодрствуя и погружаясь в сон, он продолжал ощущать те струны Вселенской Арфы, что соединяли его с очередным фэнтриэлом. Цветные огоньки, обозначающие тот или иной объект, светились где-то на рубеже ментального восприятия, но никогда не ускользали в полумрак подсознательного или в абсолютную тьму беспомыслия. Стоило напрячься, как он чувствовал не только краски и цвет, но и тепло, запахи, звуки – весь спектр ощущений, порождаемых неизмеримо крохотными частицами Мироздания, чью плоть и разум он отправлял к иным мирам.

Удивительно, но путники – не все, но некоторые – будили в нем временами теплое ощущение сопричастности и интереса. Он не мог бы назвать это чувство дружбой или тем более любовью; сам по себе он являлся слишком странной личностью, изгоем и отщепенцем, неспособным испытывать ни дружбы, ни любви. Одно лишь равнодушие, безмерное равнодушие, столь же ледяное, как серый сумрак безвременья, царивший в Том Месте. Обычно люди не понимали его, а непонимание вело к страху, отращению и грубой издевке – или, в лучшем случае, к недоверию и насмешкам. Так длилось десятилетиями, пока...

Пока он не встретил тех, кто понимал его и верил ему. Тех, кто согласился испытать его дар – а, испытав, предоставил возможность играть на струнах Вселенской Арфы, погружаться в сплетенье мелодий и ярких красок, плыть из Ничто в Никуда, из Реальности в Мир Снов. Об ином он не мечтал.

И потому в последние месяцы он словно бы начал оживать, оттаивать, как земля, согретая жарким солнцем после долгой зимней стужи. Сопричастность и интерес были первыми признаками оттепели; он начал уже отличать одни живые огоньки от других, выделять некие мелодии, не слишком прислушиваясь к тем, которые оставляли его равнодушным. Разумеется, выбор этот касался только путников – людей, подчинившихся его странному дару и в то же время руководивших им; все остальное человечество, все миллиарды разумов были лишь несыгранной мелодией и незажженной свечой.

Пожалуй, первым, кто пробудил в нем необычные чувства, стал обсидиан. Когда-то в молодости ему попала книга о камнях; с тех пор палитра красок ожила в названиях самоцветов, а позже он добавил к ней и другие определения, проистекавшие из мира живого и неживого. Теперь он мог описать многие огни, сиявшие на струнах Вселенской Арфы, во всем многообразии оттенков; так, красное распадалось для него на цвета крови, зари,

рубина, розы, шпинели, граната, зрелой вишни... Определений, впрочем, не хватало; Арфа была слишком велика, и разумом он ощущал намного больше, чем мог выразить словами.

Лишь обсидиан, несомненно, являлся обсидианом – твердой, но поддающейся обработке глыбой, что могла обратиться в лезвие боевого топора, в острие копья или наконечник стрелы. Этот минерал не годился для украшений; он нес в себе иные формы, более воинственные и грозные, свидетельства каменно-жесткого нрава и необычной судьбы. Он был любопытен, но терпелив; так, узнав о рубине, проникшем в Амм Хаммат, не велел возвращать его обратно, сказал – посмотрим. Как положено обсидиану, он выглядел темным – но в то же время с примесью некой прозрачности и чистоты, готовой вспыхнуть алмазным блеском. С ним ассоциировались запах табака, жар тлеющих углей и тревожный рокот барабана, резкий и частый, как пулеметная очередь.

Но Повелителя Мира Снов, музыканта, перебиравшего струны гигантской Арфы, этот звук не раздражал. Барабанная дробь вселяла не столько беспокойство, сколько уверенность: обсидиан мнился ему не источником страха и тревог, а символом надежности и защиты.

Случалось, другие камни и цвета, другие искры, скользившие по струнам из мира в мир, возбуждали его любопытство – тем большее, чем сложнее была поставленная задача, чем изощренней оказывалась фантазия странников. В этом смысле фиолетовый огонек, колокол-аметист, пребывавший сейчас в Амм Хаммате, был пока что вещью в себе; в нем таилась немалая потенция, еще не раскрытая в самостоятельном поиске. До сих пор он лишь выполнял приказы обсидиана – шел туда, куда посылали, делал то, что было велено.

Рубин, его загадочный спутник, казался интереснее. В отличие от жаркого, твердого и шершавого аметиста, звучавшего ударом медного колокола, рубин оставлял ощущение прохладной гладкости; его мелодия напоминала протяжный звук трубы, провожающей заходящее солнце. Возможно, рубин являлся самым интересным объектом из всех, какие встречались Повелителю Мира Снов; в нем ощущалась некая двойственность, некая тайна, некое скрытое тепло, будто под холодной алой поверхностью пылала крохотная звезда, чей свет заставлял искриться и сиять ровные грани кристалла.

Да, этот рубин отличался редкостной необычностью! Совсем иного рода, чем обсидиан-защитник: не столь надежный и прочный, но неизмеримо более таинственный.

Последний эпизод лишь укрепил его в этом мнении, приоткрыв частицу тайны – паранормальный дар, присущий рубину. Не столь сильный, как его собственный, но вполне подходящий для того, чтобы нащупать проложенную им тропу. Иначе он не мог объяснить случившееся. Теперь он был уверен, что алый огонек, пылавший рядом с фиолетовым в огромном пестром клубке Амм Хаммата, не являлся галлюцинацией. Всякий, не исключая обсидиана, имел возможность в этом убедиться: два защитных кокона, два радужных пузыря, фиксировавших точки старта, неоспоримо доказывали, что аметист был не одинок.

И теперь, с тревогой и внезапно нахлынувшим любопытством, Владыка Мира Снов ожидал нового сюрприза.

Глава 4 СТРАННИК

Джамалю Саакадзе, торговому князю и финансисту, обитавшему на планете Земля, стукнуло сорок пять; Каа Ри Варрат, телгский Наблюдатель, исполнявший Миссию Защиты, был примерно вшестеро старше. Точный подсчет соотношения возрастов оказался бы весьма затруднительным, ибо жизнь Ри Варрата протекала не только на Телге и Земле, но и в других мирах, с их собственной системой темпоральных отсчетов, разной в различных частях Мироздания. К тому же следовало учесть, что в определенные моменты Ри Варрат как бы не существовал – и в то же время существовал, но длил свое физическое бытие в форме пучка высокоэнергетических квантов или неторопливо прорастающего зародыша, своеобразной зиготы, зревшей в течение долгих лет.

Впрочем, сам звездный странник никогда не занимался подобными подсчетами, сознавая их бессмысленность и бесполезность. В каждом из принимаемых им обликов он оставался самим собой, личностью цельной и монолитной, сохраняющей весь объем памяти, всю информацию, накопленную за время жизни. Вернее, жизней, ибо у Ри Варрата их насчитывалось четыре.

Это обстоятельство, весьма необычное даже для Телга, мира высокоразвитого во всех отношениях, было связано с его Миссией и тем способом, коим она осуществлялась – разумеется, в технологическом, а не функциональном плане. Как все прочие Наблюдатели, он искал Защиту; значит, ему приходилось посещать отдаленные области Вселенной – настолько далекие, что путешествие в реальном обличье и в звездном корабле оказалось бы слишком долгим. Хотя телгские космические аппараты достигли совершенства, они не могли остановить время; время всегда работало против странников и всегда побеждало, ибо срок их жизни был конечен, а значит, несоизмерим с гигантскими расстояниями, которые требовалось преодолеть.

Разумеется, существовали обходные пути. Мир – если понимать под этим словом все многообразие реального бытия – пульсировал между двумя крайними состояниями, двумя условными Вселенными, одна из которых расширялась, прогрессировала и расцветала, тогда как другая сжималась, двигаясь к неизбежной смерти, к гравитационному коллапсу и последующему Великому Взрыву. Взрыв означал возрождение и начало нового цикла; расширявшаяся прежде Вселенная переходила в стадию сжатия, а ее антипод, превратившийся в космическое яйцо, исторгал чудовищные раскаленные массы, из которых со временем формировались метagalктики, галактики, звезды и все остальное, вплоть до самых ничтожных и неисчислимых частиц, крохотных кирпичиков Мироздания. Колебания эти были вечными, с настолько длительным периодом, что разум не мог осмыслить такой гигантский временной интервал; сравнительно с неспешным полетом вселенского маятника любая цивилизация выглядела искрой, вспыхнувшей на миг в беспросветной ночи. Однако самим носителям разума их искра мнилась огромным и жарким костром, пылавшим в течение миллионелетий. Эта иллюзия была вполне понятной; так и только так разумная жизнь могла объяснить и оправдать свое собственное существование.

Две Вселенных, два пространственно-временных континуума, разделялись некоей переходной областью, где не существовало ни времени, ни пространства, ни света, ни тепла, ни звезд, ни атомов, ни разреженной плазмы. Так, во всяком случае, гласили формулы – непогрешимые уравнения, отражавшие ход вселенских часов. Теоретически через эту зону темпорального вакуума можно было дотянуться к любой из мириад звезд и планет, перенестись в мгновение ока в любой мир, преодолеть невероятные расстояния со скоростью мысли – которая, как принято считать, не знает преград. На практике же преград хватало;

и, вероятно, лишь Древним Расам да Бесформенным, чей разум был более гибок и универсален, удавалось их обходить.

Но телгани, обитатели системы Телгатаима, еще не раскрыли всех секретов Мироздания – так же, как те многочисленные культуры, гедонистические, экспансионистские либо страдающие агорафобией, с которыми Телг поддерживал связи на протяжении тысячелетий. Ни одна из этих высокоразвитых цивилизаций еще не имела средств, способных перенести путника сквозь серую безвременную мглу; а значит, все они вместе и каждая по отдельности оставались пленниками времени и пространства.

Однако выход существовал. Живое существо можно было обратить в нечто почти нематериальное, в пучок электромагнитных квантов и отправить в таком виде в далекое странствие – в очень далекое, к самым дальним звездам, на край Галактики. Разумеется, кодированный сигнал нес информацию о разуме, но не о телесном облике путника – в чем, собственно говоря, необходимости не имелось. Облик как таковой исчезал, необратимо распадался в момент сканирования; телесное оставалось прикованным к земле, и лишь чувства, память и душа могли воспарить к звездам на невесомом световом луче.

Гибель, за ней – возрождение... Но не сразу, не мгновенно; сперва – сон в материнской утробе, случайном вместилище павшей с неба искры; затем, в урочный час – рождение в новом мире, в новом и соответствующем природным условиям обличье. И снова сон; долгая дремота в теле и разуме юного существа, избранника, еще не ведавшего ни удивительной своей судьбы, ни целей, ни грядущих задач. Наконец память о прошлом пробуждалась, как раскрывающийся весной бутон; медленно и постепенно избранник осознал свое истинное «я», обретая целостность плоти и души, затем жил, рос, мужал, выполнял предназначенное и уходил – тоже в урочный час, который в любом из миров назывался одинаково: смертью. Лишь испустив последний вздох, он мог расстаться с миром, на время приютившим его; расстаться, чтобы вновь продолжить свой путь, свой поиск, свой полет в обличье бестелесного призрака, сотканного из световых лучей.

Джамаль – или Ри Варрат – совершал такое превращение трижды и собирался, изведав все наслаждения и соблазны Земли, в должный час отправиться в новое странствие. Собирался десять лет назад, и пять, и год... Земля была прекрасным и варварским миром, однако вряд ли на ней, третьей из посещенных им планет, он мог завершить свой поиск.

Но в последние месяцы все переменялось.

* * *

Пряча улыбку, звездный странник наблюдал за Скифом. Его соратник и компаньон занимался ревизией имущества: расстелив на траве мешок, аккуратно выкладывал на плотную брезентовую ткань нож, компас, зажигалку, консервы, моток веревки, леску и рыболовные крючки, коробку с батареями, лазер, флягу. Лазер он протер платком и подержал в руках, рассматривая тупорылый ствол с угрожающе поблескивающим кристаллом излучателя и вороненую ребристую рукоять. Потом взгляд Скифа переместился на лежавшие рядом катану и длинный тяжелый меч с украшенным мелкими кроваво-красными гранатами эфесом. Он словно бы взвешивал достоинства того и другого оружия, и выглядело это забавным. Без сомнения, холодная красота стали чаровала Скифа, но лучемер был гораздо надежнее; сердце его тянулось к клинку, разум же напоминал о сокрушительном могуществе энергетического луча.

Взирая на все эти орудия убийства, думая об их жутковатом предназначении и посматривая на собственный меч, Джамаль – или Ри Варрат, Наблюдатель высокоразвитой телгской цивилизации – муками совести отнюдь не терзался. Конечно, возникающие на Телге

разногласия давно уже не разрешались с помощью таких примитивных средств, но Наблюдатели и их Миссия были особым случаем, исключением из правил. Наблюдателям случалось попадать в миры дикие и негостеприимные, где без оружия и дня не проживешь; ну а взявшийся за меч или пистолет рано или поздно убивает. Убивает, чтобы сохранить свою жизнь; убивает, чтоб защитить друга; убивает сильного и жестокого, чтобы спасти незащищенного и слабого... А потому ни оружие, ни убийство не пугали Ри Варрата, Наблюдателя и разведчика; они являлись как бы неприятным, но необходимым приложением к его Миссии. Однако профессионалом или тем более экспертом в подобных делах он не был и древних боевых искусств, почти забытых на Телге, не изучал. Да и зачем? Все эти смертоносные приемы были рассчитаны на прямоходящих гуманоидов, с головой, руками и ногами; но очередная трансформация могла превратить руки странника в ласты или щупальца, а ноги – в рыбий хвост или большую плоскую вакуумную присоску.

Джамаль снова усмехнулся, припоминая, в каких обличьях довелось ему пребывать во время двух своих первых экспедиций. По сравнению с теми мирами Земля, так похожая на Телг, казалась раем – уже хотя бы потому, что руки странника были руками, ноги – ногами, и все остальные части тела тоже находились при нем. Целых тридцать лет он не переставал удивляться сходству Телга и Земли, подобию землян и телгани, извлекая из этого факта не только моральное удовлетворение, но и определенный выигрыш. На Земле – так же, как на Телге – можно было наслаждаться жизнью, тогда как в иных местах даже самые приятные ее моменты становились удовольствием весьма сомнительным, напоминавшим метание икры.

Скиф закончил осмотр и принялся складывать имущество в мешок. Джамаль подмигнул ему.

– Ну, дорогой, в прибылях мы или в убытках?

– В прибылях, – ответил компаньон, приглаживая светлые волосы. – Самая главная потеря у нас – пижама. Но все прочее на месте – плюс лошади, оружие да твои обновки. Конечно, кожаные штаны с шелковыми не сравнить, но в седле они удобней. Хоть мозоли на заднице не натрешь.

– Далась тебе моя пижама!.. В чем был, в том и приехал. Зато сейчас... – Джамаль вытянул длинные ноги, хлопнул по голенищам добротных сапог, одернул безрукавку из оленьей шкуры. Его сапоги и штаны еще недавно принадлежали покойному Когтю, куртка – Ходде-Коршуну, а пояс с мечом – какому-то бандиту из шайки Тха, пребывавшему сейчас на спине Одноглазого Шаммаха. Скиф, облаченный в пятнистый комбинезон десантника, поглядывал на компаньона с улыбкой.

– Суший шинкас! Тамма тебя не признает.

– Признает! И в одежде признает, и без нее. – Подумав о златовласой Тамме из Башни Стерегущих Рубежи, Джамаль мечтательно возвел глаза вверх. Эта девушка так напоминала одну юную телгани... Но лучше не думать о ней; это было давно, так безумно давно! В иной жизни, на другом краю Вселенной...

Скиф упаковал рюкзак, поднялся на ноги, стянул талию широким поясом с мечами, сунул лучемет в кобуру и пронзительно свистнул, подзывая Сайри. Юный синдорец поил лошадей в крохотном озерце у подножия ближнего холма. Место это было тем самым, где путников несколько дней назад захватили шинкасы; на западе простиралась покрытая короткой изумрудной травой холмистая равнина, на востоке желтели заросли амм-хамматского бамбука, шуршавшего под теплым ветром. Чтобы добраться сюда, трем бывшим невольникам понадобилась всего пара конных переходов и одна ночевка. Скиф, памятуя о своем задании, непременно желал вернуть брошенное шинкасами добро, в первую очередь – лазер с запасными батареями, и Джамаль в том ему не препятствовал. Теперь, когда он очутился в Амм Хаммате, миновав Землю, будто транзитную станцию пересадки, время не имело боль-

шого значения, он взял след и мог идти по нему месяцы или годы – столько, сколько понадобится.

Сайри подогнал лошадей – трех верховых и трех сменных. Прочий табун они бросили у каменной гряды, на месте позавчерашнего побоища; расседлали скакунов и пустили их в степь. Своих погибших соплеменников Сайри сжег на костре, бормоча молитвы Великим Безмолвным, Небесному Вихрю и прочим местным божествам; поминая пирга, Владыку Ярости, он то и дело оглядывался на Скифа и творил куум, священный знак – тянул к нему руку с тремя растопыренными пальцами. Глаза его горели благоговением и опасливым восторгом.

Трупы шинкасов, валявшиеся у костра, были оставлены на поживу огромным полосатым гиенам, пронырливым хиссапам и голошеим крючконосым стервятникам, напоминавшим земных кондоров. Но Тха, предводителя банды, ожидала иная участь, более страшная, чем смерть в битве или в пасти хищника. Скиф, прикрывая рот клочком Джамалево́й пижамы и обвязавшись веревкой, оттащил его к плоским металлическим плитам, сверкавшим метрах в пятидесяти от лесной опушки. Джамаль, тоже с тряпицей наготове, страховал; они не знали, сколь быстро подействует запах, и не хотели рисковать. Но оказалось, что у камней можно продержаться минут семь или восемь – ровно столько, сколько требуется, чтобы прикрутить пленника к массивным кольцам в углах жертвенного алтаря.

Там Гиена и остался – охрипший от воплей, дрожащий, с искаженным от ужаса лицом. Крики его раздавались примерно полчаса, затем стали затихать, сменившись невнятным бормотанием; наконец все смолкло – лишь древесные кроны шелестели на ветру да потрескивал, стреляя искрами, погребальный костер. Скиф сплюнул, пожелал Тха самых дурных снов и велел седлать коней.

Теперь, поглядывая на компаньона, деловито вьючившего лошадь, Джамаль размышлял о противоречивости его нрава, временами восторженно-романтического, временами упрямого и жесткого, если не сказать жестокого. Последнее, несомненно, являлось армейским отпечатком, клеймом насилия, что в том или ином виде нес каждый из землян – ибо хоть мир их был щедрым и прекрасным, сами они, по телгским понятиям, находились где-то посередине между варварством и первыми проблесками истинной культуры. Все они были эгоистичны, упрямы, не склонны к разумному сотрудничеству; все они больше полагались на силу, на мощь оружия, на магию приказа начальника или вождя, чем на собственный здравый смысл. Это преклонение перед силой делало их опасными и непредсказуемыми, но в то же время странным образом объединяло – не на основе взаимоуважения и взаимопонимания, но подобно тому, как чувство стаи объединяет волков. И, с недоверчивостью пуганых волков, они предпочитали загрызть любого, чей запах и вид внушали им хоть малейшие подозрения.

«Неприятное, но полезное качество, – думал Ри Варрат, звездный странник, – полезное в данном конкретном случае. Быть может, Бесформенные наконец-то столкнулись с расой, которая зальется кровью, но даст им отпор – такой, что ужаснул бы цивилизованных телгани...» Ри Варрат не отвергал вероятности подобного исхода; хоть новая его родина была миром варваров, но варваров изобретательных и весьма талантливых. Среди них встречались уникальные личности – например, те мудрецы, что додумались создать Систему, или несгибаемые типы вроде Сарагосы; наконец, такие искусники, как Доктор. На Телге – увы! – не имелось ничего подобного. Не потому ли, что Телг был слишком цивилизован и предпочитал наблюдать, а не действовать, защищаться, а не нападать?

– Ну, ты готов?

Ри Варрат очнулся, услышав голос компаньона. Собственно, уже не Ри Варрат, звездный странник, а человек, откликнувшийся на имя Джамаль.

Он поднял меч в тяжелых ножнах, опоясался, застегнул кованную из бронзы пряжку и вскочил в седло. Вороной жеребец, наследие Клыка, свирепый, как бывший его хозяин, протяжно заржал, потянулся, оскалив зубы, к крупу Скифова Талега с явным намерением куснуть. Джамаль огрел его плетью, всадил пятки под ребра. Сайри, которому достался конь Гиены, натянул ремень – к нему были привязаны уздечки трех заводных лошадей, навьюченных припасами. Маленький отряд тронулся в путь.

Минут десять они в молчании ехали вдоль зарослей, бесконечно тянувшихся с севера на юг, вспугивая робких длинноухих кафалов и маленьких антилоп с саблевидными рожками и длинными задними ногами. Кафалы исчезали в норах, а антилопы, называемые хиршами, бросались врассыпную, высоко подпрыгивая, словно стайка странных рогатых кенгуру.

Скиф покрутил головой, взглянул, прищурившись, на солнце и произнес:

– До заката еще часа три. То ли мы объедем этот поганый бамбук, то ли нет...

Беспокоится парень, промелькнуло в голове у Джамала. С чего бы? Вроде и лазер при нем, и меч, и лук со стрелами... Но тут он вспомнил, как их накрыли сетью и повязали шесть дней назад, и тоже принялся тревожно оглядываться. Однако степь, если не считать мелких и безобидных тварей, была пустынной.

– Не хочется мне больше ночевать у высокой травы, – буркнул Скиф. – Выберем место на холме, с холма далеко видно... Разложим костер за камнями, поспим в покое и тишине, а Сайри посторожит. Верно, парень?

– Как скажешь, господин, – Сайри покорно склонил черноволосую голову.

– Только холмик надо нам подыскать по ту сторону зарослей, на юго-востоке, – продолжал размышлять Скиф. – Такое бы место найти, чтоб никто неожиданным-негаданным не подобрался... Что скажешь, компаньон?

– Хочешь пересечь засветло высокую траву? – Джамаль кивнул в сторону зарослей.

– Не помешало бы. Но кто знает, успеем ли? Вроде бы помню, что бамбук здесь растет полосой, длинной, но узкой... – Он пожал плечами и добавил: – В тот раз, когда нас вела Сийя, я как-то не глядел по сторонам.

«На траву не глядел, это точно, – подумал Джамаль. – Тогда ты, дорогой, глаз с девушки не спускал да таял от восторга, как масло на сковороде...» Усмехнувшись, он пощипал отрастающую бородку и повернулся к Сайри.

– Скажи-ка, генацвале, эта желтая травка далеко ль тянется? Сможем до заката выехать на другую сторону?

– То ведают одни Безмолвные, друг господина, – юный синдорец сокрушенно развел руками. – А я здесь словно кафал в ловчей сети – все кругом вижу, а как выбраться, не знаю. Мои родные места далеко, там, – он махнул на восток. – Много дней надо идти...

– Сколько? – быстро спросил Скиф.

Сайри призадумался, что-то пересчитывая на пальцах – то ли дни, то ли ночевки, то ли удары плетью, полученные за время долгого пути. Наконец он нерешительно произнес:

– Два десятка дней и еще семь, Владыка Ярости... или восемь... или девять... Прости, господин мой, но когда нас гнали к Проклятому Берегу, нам не хотелось считать ни восходов, ни закатов.

Скиф хмыкнул.

– Выходит, не такая уж широкая эта степь... Тысячу километров, не больше... А что за ней? Там? – подражая Сайри, он махнул плетью в сторону востока.

– Там большая река, господин, а за ней леса. Синдорские леса, а за ними – снова степь, что тянется до самого края мира...

– Ладно, об этом мы еще потолкуем. – Скиф опять уставился на заросли гибкого бамбука, потом перевел взгляд на Джамала. – Ну, что скажешь, компаньон? Рискнем?

«Молодой, нетерпеливый, – подумал звездный странник, – спешит к своей девушке...» Вслух же он ничего не сказал, лишь дернул за уздечку вороного, направляя в высокую траву.

Прошло несколько минут, и мир вокруг сделался желтым. Желтели высокие стебли, скрывавшие всадников с головой; желтели узкие длинные листья, похожие на осоку; желтели качавшиеся вверху метелочки; под копытами скакунов шуршала опавшая бурая листва, копившаяся тут столетиями. Вороной жеребец Джамаль раздвигал грудью гибкие коленчатые плети, принимался, фыркал, настороженно прядал ушами. Должно быть, в этих зарослях, будто самой природой предназначенных для засад и внезапных нападений, могли скрываться всякие хищные твари или ядовитые гады вроде змей, тарантулов или скорпионов. Люди, однако, были страшнее всех, и Джамаль испытал облегчение, заметив, как спутник его вытащил лучемер и отщелкнул предохранитель.

Они не разговаривали, следуя друг за другом в полнейшем молчании, прислушиваясь к шелесту травы и мелодичному посвисту ветра, игравшего желтыми метелочками. Теперь Джамаль видел, что растения походили на земной бамбук лишь с первого взгляда; несмотря на трехметровую вышину, они были гибкими и тонкими, с палец у основания стволов, с едва заметными коленчатыми перетяжками, которых насчитывалось всего четыре-пять. Все-таки это была трава, а не бамбук – гигантская желтая трава, возросшая на плодородной степной почве, под жарким амм-хамматским солнцем. Казалось, сейчас над ней закружатся огромные бабочки, закачаются на стеблях кузнечики размером с ладонь или выскочит, разбросав прелую листву, какой-нибудь жук в хитиновом панцире, с остроконечными челюстями.

Но все было тихо. Кони, осторожно ступая, продвигались вперед, солнце, палившее в затылок, опускалось все ниже, бирюзовые небеса Амм Хаммата тускнели, над травами повеяло вечерней прохладой. Однако день еще не угас, когда путники, преодолев широкую желтую реку в зеленом степном океане, выехали на простор. Заросли остались позади; перед ними вновь раскинулась холмистая равнина, простиравшаяся на три стороны света. На юге привычным нагромождением разрушенных башен и недостроенных замков розовели горы; к северу и востоку степь тянулась до самого горизонта, над которым слабыми огоньками уже мерцали первые звезды.

Скиф глубоко вздохнул и спрятал бластер в наплечную кобуру.

– Успели! Ну, теперь – вперед!

Кони пустились в галоп. Эти степные жеребцы, высокие, длинноногие, с мощной грудью и широким крупом, явно были той же самой породы, что и лошади амазонок. Еще во время первого странствия Джамаль заметил, что они чуть-чуть отличались от земных скакунов – гривы и хвосты были пышнее, шеи – длиннее, что придавало лошадям особое изящество, бабки – тоньше; копыта пересекал неглубокий желобок, как бы деливший их напополам. Имелись различия и в посадке головы, более длинной, с вытянутыми челюстями; зубов, плоских и широких, вроде бы насчитывалось меньше, чем у земных лошадей.

Но все-таки это были кони, настоящие кони – такие, что еще водились на Земле и давно исчезли на Телге. Коней Джамаль любил – еще с детства, когда подростку Джамали и в голову не приходило, что сделается он в урочный час Ри Варратом, звездным странником. Кони были одним из приятных сюрпризов, изысканным наслаждением, которое приготовила ему Земля; он ценил их не меньше, чем красивых девушек, хорошую пищу, вино и другие маленькие радости, коих был лишен в прежних своих ипостасях. К счастью, Амм Хаммат во всех этих отношениях почти не отличался от Земли – что, впрочем, звездного странника не удивляло. Именно такой мир, с необозримой степью, городом с высокими башнями и женщинами-чародейками, не знающими сна, снова и снова заказывал он Доктору. И ошибался – например, как в тот раз, когда попал в Шшан, на планету крылатых гипнофедингов. Там тоже были степи и многобашенные города, но их обитатели ничуть не походили на людей.

– Гляди, вот подходящее место! – плеть Скифа со свистом разрезала воздух. Он показывал на довольно высокий курган, увенчанный на вершине камнями – точь-в-точь такой, как тот, где их разыскали прошлый раз Белые Родичи. У подножия холма журчал ручей и росли деревья, но не прибрежные разлапистые кедры, а белоствольные великаны с резными листьями, походившие одновременно и на березы, и на клены, и на тополя. Рядом с рощицей маячили силуэты хошавов; грациозно вздымая головы, они ошипывали листву с нижних ветвей и временами оглашали степь странным отрывистым криком – козлиным бляньем, усиленным раз в пять.

– Заночуем там! – сказал Скиф, и Джамаль с Сайри согласно кивнули. Лошади, почуяв воду, припустили быстрее, но вдруг их мерная иноходь сделалась как бы неуверенной; раздувая ноздри, они зафыркали, захрапели, замотали головами. Десяток хошавов, что паслись на опушке, тоже насторожились. Внезапно крупный самец испустил резкий стонущий звук, и животные, высоко вскидывая крупы, помчались от холма прямо на всадников. Среди деревьев мелькнули серо-полосатые спины, раздался протяжный вой, и кони остановились, прядая ушами.

– Тха! – выкрикнул Сайри, срывая с плеча лук. – Целая стая! Стреляй, господин! И ты, друг господина, тоже стреляй! Пусть стрелы ваши станут зубами пирга! О, Вихрь Небесный, спаси нас! Эти твари умны и коварны! Погонятся за хошавами, потом увидят, что нас мало, и нападут!

– Свято место пусто не бывает, – пробормотал Скиф, поглядывая на облюбованный им курганчик. – Ладно, сейчас разберемся! – Вытянув лучемер из кобуры, он прикрикнул на синдорца: – Не вопи, парень! И оставь лук в покое! Тебе приходилось из него стрелять?

Сайри смущенно потупился.

– Нет, господин... Мои родичи – не охотники, крестьяне... Но я хотел бы научиться!

– В городе на скале найдется девушка, которая тебя научит, – сказал Джамаль. – Всему научит, дорогой... Так что вернешься ты к своей невесте вполне образованным.

Юный синдорец вспыхнул, потом глаза его изумленно расширились. Вцепившись в гриву своего жеребца, он как зачарованный следил за Паир-Са, господином, Владыкой Ярости: тот наматал уздечку на кулак, повернулся в седле, вытянул руку... Над травой сверкнула молния – одна, вторая, третья... Они прошивали воздух словно огненные стрелы, и каждая находила цель – широкий череп полосатого тха, грудь, горло, позвоночник. Степь огласилась испуганным воем уцелевших, но хищники, пораженные огнем, не выли, не хрипели и не катались по земле в предсмертных муках: молнии били наверняка, и смерть задетых ими тварей была мгновенной.

– Все! Враг бежал, высотка за нами! – Скиф усмехнулся и сунул лазер в кобуру.

Подъехав к Сайри, застывшему будто каменное изваяние, Джамаль хлопнул его по спине.

– Очнись, дорогой! Видишь, хошавы целы, и мы тоже. Чего беспокоиться?

Сайри вздрогнул и соскользнул с коня; пальцы его сложились трезубцем. Сотворив священный знак, он принялся кланяться Скифу, а отбив с десятков поклонов, рухнул на колени и забормотал:

– О господин огненных молний! О ты, Владыка Ярости, повелитель воинов, пришедший с багровой Миа! Сдержи гнев свой, не жги палящим огнем своего слугу! Я буду повиноваться тебе, как бессловесный сену – клянусь в том Великими Безмолвными, твоими братьями, и Небесным Вихрем, породившим вас! Я буду чистить твоего коня, носить за тобой меч, подавать чашу с вином... а когда ты вернешься на Миа, в свой дворец за железными стенами, я буду приносить тебе жертвы, угодные твоей душе – кровь белых жеребцов, шкуры тха и головы шинкасов...

Джамаль, пряча улыбку, прикрыл ладонью рот. Со слов покойного Китоки он ознакомился с местным пантеоном, где Небесному Вихрю отводилась роль Бога-отца, создавшего или доставившего в Амм Хаммат сонм иных божеств, надзиравших за порядком в мире и за людьми. Главенствовали среди них Безмолвные, но Паир-Са, Владыке Ярости, почитаемому в образе гигантского белого пирга, тоже отводилось достойное место – он являлся покровителем воинов, господином битв, люто враждовавшим с Шаммахом и Хадаром, шинкаскими демонами. Скиф, по мнению звездного странника, пожалуй, мог бы претендовать на роль бога войны: он играючи разделался с Когтем, прикончил в ночной схватке чуть ли не десяток степняков, а предводителя их бросил ару-интанам – так, как швыряют обглоданную кость стае шелудивых псов. А теперь, как выяснилось, он повелевает молниями! Вполне достаточно, чтобы признать его богом!

Но компаньон Ри Варрата, судя по всему, не желал становиться Паир-Са; даже обещанная кровь белых жеребцов и головы шинкасов его не соблазнили. Склонившись к Сайри, он вытянул длинную руку, ухватил синдорца за плечо и рывком поднял на ноги.

– Слушай, парень, ты ведь хотел стать воином? Не сену, не слугой, а воином? – Сайри молча кивнул. – Ну так запомни: воин сам носит свой меч и сам чистит своего коня. И никому не кланяется! Понял, нет?

Джамаль улыбнулся, разобрав знакомые интонации Сарагосы. Но Сайри было не до смеха: сам грозный бог войны, стиснув железными пальцами плечо, учил его уму-разуму. Не поднимая глаз, синдорец прошептал:

– Ты – Паир-Са, владыка... тебе покорны огненные стрелы... Большая честь носить за тобой меч...

– Я не Паир-Са, – Скиф встряхнул юношу. – Запомни мои слова, парень: я – человек, пришедший из-за моря, из далеких земель, что лежат западней Джарайма... Слышал о Джарайме? – Сайри молча кивнул; глаза его сделались совсем круглыми. – Так вот, Джараймом земля не кончается; есть и другие страны, откуда пришли мы с родичем... с князем Джаммалой, запомнил? Приплыли на таргаде, с джараймскими купцами. Таргад – это корабль, с веслами и парусом, большое судно, что разбилось в бурю у Проклятого Берега... Так мы сюда и попали, я и Джаммала. Так ты и скажешь в городе на скале, если там будут тебя расспрашивать.

Сайри быстро закивал, а Джамаль с одобрением хлопнул себя по колену. Разумно, весьма разумно! Коли судьба свела их с этим синдорцем, так пусть будет в курсе их истории – про князя из дальних земель и его племянника, выброшенных бурей на амм-хамматские берега. Вполне правдоподобная легенда, но – увы! – не без изъяна: им предстояло объяснить свое внезапное исчезновение в ночь трех лун, по дороге в город. Но на сей случай у князя Джаммалы, сына Гер'гия, были уже заготовлены разнообразные и хитроумные байки; на худой конец, он рассчитывал прибегнуть к мысленному внушению.

– Я все понял, господин, – сказал Сайри. – Ты и твой родич, благородный Джаммала, приплыли из-за моря, а не спустились с багровой Миа. И ты желаешь считаться человеком... Да будет так, сын Небесного Вихря! Правда, я не слышал, чтоб люди – даже из заморских земель! – сражались молниями. Такое под силу лишь богам!

– А вот про молнии тебе лучше помолчать, – строго произнес Скиф. – Видишь ли, души болтунов высасывают ару-интаны, а парень, который держит рот на замке, будет цел и невредим. Возможно, удостоится награды. – Он со значением приподнял бровь.

– Награды? Я буду молчать, господин, и мне не нужна награда. Разве что ты позволишь носить за тобой меч и подавать чашу с вином...

– Может, сговоримся на чаше? Подашь, когда будет вино... и повод, чтобы выпить.

Потрепав юношу по плечу, Скиф выпрямился, присвистнул и погнал жеребца на холм.

* * *

Но после ужина, когда в высоком темном небе медленно закружилась звездная карусель, он взялся за Сайри по-настоящему.

«Я на очереди», – думал Ри Варрат, слушая, как Скиф дотошно выспрашивает синдорца о Петляющей реке, о землях, что лежат на севере, юге и востоке, о шинкасах и амазонках из Города Двадцати Башен, о Проклятом Береге, ару-интанах и местных божествах, защищающих людей от злобных демонов.

Он слушал и размышлял над уже поведанным компаньону и над тем, что еще предстояло рассказать – рассказать столь ясно и убедительно, чтобы тот не заподозрил измены, не принял правду за ложь, не почувал намека на предательство или недоговоренность. Эти варвары-земляне были так подозрительны! Впрочем, напомнил себе Ри Варрат, он и сам теперь землянин и подвержен всем земным грехам и недостаткам. Вот и сейчас – зачем подозревать Скифа в недоверии? В том, что компаньон его не поймет или попытается неверно истолковать сказанное? В конце концов, они были союзниками... Даже не просто союзниками – друзьями! Боевыми соратниками, агентами Системы!

«Вернусь, – с озорством подумал он, – заставлю Нилыча принять в штат, инструктором. Или пойду к Доктору, в помощники...»

Но мысль сия принадлежала уже не Ри Варрату, звездному страннику, а Джамалю. Джамаль, землянин, сидел сейчас у костра, под высоким и темным ночным небом Амм Хаммата, прислушиваясь к торопливому говору Сайри.

Этот стройный черноглазый юноша был уроженцем лесного края; степи он не знал и боялся ее – как всякий человек, привязанный к своему клочку земли, боится неведомого и необозримого пространства, слишком огромного, чтобы окинуть его единым взглядом. Впрочем, страх перед степными просторами не помешал Сайри переправиться вместе с родичами на западный берег извилистого потока, который синдорцы называли Петляющей рекой. За ней, в лесах, стояли города с крепкими бревенчатыми стенами, и в каждом правил старейшина либо князь, собравший сотню-другую воинов. Тот, кто платил князю дань, мог, в случае шинкаского набега, рассчитывать на покровительство и защиту; не желавший платить брал судьбу в собственные руки и отправлялся на все четыре стороны.

На самом деле сторон было только две – запад и восток, одна степь и другая степь. С юга синдорские княжества граничили с горами, где мог прожить охотник или козопас, но никак не земледelec; на севере, в благодатных местах, в низовьях Петляющей и по берегам Внутреннего моря, было множество крупных и мелких держав, царств, королевств, империй и торговых республик. Синдорцами все эти страны интересовались лишь в качестве селу. Сайри слышал от старших родичей, что на побережье Внутреннего моря тоже цвели роци дурманных деревьев; имелись там и разбойные племена вроде шинкасов, менявшие души людские на сладкую траву.

Степь, в которой сейчас находились странники, на западе граничила с Проклятым Берегом и Узким морем, а на юге – с горной страной Мауль. Об этих местах Сайри не знал почти ничего; слышал лишь, что за морем лежат Джарайм и другие державы и что корабли их ходят в южные маульские порты или плывут с товарами на север, минуя пролив, соединяющий Узкое и Внутреннее моря. К Проклятому Берегу таргады джараймских купцов никогда не приближались; тут не было ничего, кроме скал, песка, кедров и золотых рощ, куда шинкасы свозили захваченных в полон.

Кочевые шинкаские кланы мотались по всей степи, то взимая дань с поселков переселенцев на левобережье Петляющей, то переправляясь через водный поток, чтобы наловить пленников в синдорских княжествах. Ходили они и на север, к низовьям реки и Внутреннему

морю, добирались до пролива и маульских прибрежных городов; иногда грабили, иногда торговали награбленным и невольниками-сену. И лишь одна дорога была для них закрыта – на юг, где в предгорьях маульского хребта высился город с двадцатью башнями.

Услыхав об этом, Скиф в задумчивости потер висок и спросил:

– Выходит, они женщин боятся? А почему?

Глаза у Сайри округлились.

– Их все боятся, повелитель! Разве ты, владыка над воинами, того не ведаешь? У них – сила! Большая сила! У них конное войско и пирги, смертные братья твои! Еще – лучшие скакуны, оружие и башни из камня, какие – прости мою дерзость! – и самому Небесному Вихрю не сокрушить! А главное, – тут он понизил голос почти до шепота, словно собирался поведать великую тайну, – главное, господин мой, с ними благословение Безмолвных, родителей твоих, и великая тайная сила! Все, что забыто в Синдоре, они помнят... помнят к пользе своей и благу, не отступая перед демонами и слугами демонов, ибо души их неподвластны злomu колдовству. Говорят, что есть в их городе великие чародейки, не знающие усталости и сна, видящие любого насквозь... И еще говорят, что им не нужны слова, ибо проникают они мыслью в людские души, как меч и копье – в мягкую плоть... И могут они повелевать белыми пиргами и творить заклятья такой силы, что не разрушить их ни Шаммаху с Хадаром, мерзким шинкаским демонам, ни самим ару-интанам...

То самое место! – возликовав, подумал Джамаль. Степь, древний многобашенный город, полный женщин... и среди них есть такие, которые не нуждаются в сне и владеют поразительной ментальной силой... силой, позволяющей защититься от Бесформенных... То самое место! Мир, о коем ходили легенды по всей Галактике! Теперь он знал, что не ошибся – еще в первый раз, во время предыдущего странствия. Если так, его Миссия близилась к концу – и странствия всех остальных Наблюдателей тоже.

Однако, несмотря на охватившее его нетерпение, он молчал, предоставив Скифу вести допрос. Молодому синдорцу было известно немного, и Джамаль не сомневался, что компаньон выжмет его до конца – и выжмет не раз, отсеяв зерна истины от шелухи страхов и суеверий. Этот Скиф был дотошным парнем! Настоящим экспертом – разумеется, в тех делах, которые вызывали его искренний интерес.

– Говоришь, у женщин – сила? Войско, кони, город из камня и милость богов? – повторил компаньон, не спуская глаз с Сайри. – Ну а откуда они тут взялись? Всегда жили в степях? Или пришли из других земель? Может, спустились с багровой Миа, с Ко или с Зилура? Синдорец тряхнул головой.

– Нет, господин! Ты ведь знаешь, что там, – он поднял взгляд к звездному небу, – обитель богов и демонов. А про женщин из города на скале доподлинно известно, откуда они пришли и почему сидят в каменной крепости. Случилось то в давние времена, но старики наши помнят... помнят и говорят, хоть князьям и владыкам нашим те разговоры совсем не по нутру.

– Рассказывай! – велел Скиф. – Правда, я и сам – княжий родич, – тут он с усмешкой покосился на Джамала, – но у меня нутро крепкое. Выдержит твои байки!

Байки оказались забавными. Со слов Сайри выходило, что правила некогда всеми синдорскими родами взысканные Небесным Вихрем женщины, правила мудро и справедливо, о чем нынешним князьям да старейшинам вспоминать, разумеется, не хотелось. В те благословенные времена никто в Амме Хаммате не слышал об ару-интанах, невидимых демонах, лакомых до человеческих душ; и нигде, ни на берегах Узкого и Внутреннего морей, ни в далеком Джарайме, не росли золотые рощи. Что же касается шинкасов, то были они народом кочевников и торговцев, скитавшихся там и тут в поисках выгоды и пропитания – как и десятки других племен, не желавших менять стрелы и боевой топор на плуг и мотыгу.

Потом в мире что-то начало меняться. Видно, ослабла власть Небесного Вихря и Безмолвных Богов, коим поклонялись и в лесах, и в степях, и в горах, и в землях, лежавших у Внутреннего моря! Как иначе объяснить, что боги поделили власть свою над людскими душами и телами со сворой пришлых демонов? Раньше всякий знал, что после смерти отправится на серебряный Зилур, в сверкающие чертоги Безмолвных, а тело его, как подобает, сожгут на костре из душистого дерева хар. Но вдруг оказалось, что плоть и души можно разъединить: душа ускользала неведомо куда, в пропасть и тьму, неподвластная чарам Безмолвных, а плоть продолжала оставаться на земле, наделенная странной и непостижимой жизнью. Человек, испытавший могущество ару-интанов, уже не был человеком; он мог дышать, пить и есть, когда приказывали, но и только. Еще мог работать – грести на таргадах, ломать камень, копать землю, перетаскивать тяжести. Тело его не ведало усталости, глаза были мертвыми, и жил он не дольше собаки или коня.

Как Небесный Вихрь, прародитель богов, допустил такое? Или милость его иссякла, и повелел он Безмолвным, детям своим, отвести взоры от людского племени? Или даже он, Великий и Всеведущий, не смог справиться с незримыми демонами, пришедшими в Амм Хаммат прямо из темной бездны зла?

Так думали многие; многие, но не все. Одни предпочитали покориться, пожертвовать демонам часть, дабы сохранить целое; другие надеялись, что густые леса или горные ущелья спрячут и спасут их; третьи, подобно шинкасам, заключили с демонами союз, став слугами зла; иные же, увидев, как покорны и неприхотливы сену, скупали лишившихся душ у разбойных племен, поощряя их алчность. Но женщины Синдора, хранившие тайное знание, не желали ни прятаться, ни покоряться; их вела вера в древних богов и в колдовскую силу, дарованную им Безмолвными. Тех, кто полагался на их мудрость, было не много, и малое число уступило большему: взысканные богами ушли в степь, на другой берег Петляющей реки, оставив народ Синдора скрываться в лесах. Ушли и унесли с собой свою магию, свои заклятья и колдовские песни, свое искусство говорить без слов и не спать годами... Подобных им среди синдорцев больше не рождалось.

Сайри закончил рассказ, и наступило молчание. Миа, багряная луна, низко стояла над горизонтом, и степь в алых ее лучах казалась коричневой, точно покрытой запекшейся кровью; по валунам, окружавшим костер, скользили смутные тени, ветер играл с огненными языками, срывая с них искры, подхватывая их, швыряя в темные небеса. Фыркали и похрустывали травой кони, далекий отрывистый рык тха и протяжное подвывание хиссапов тревожили ночную тишину; где-то на западе слышался тяжкий топот бычьего стада, спешившего убраться подальше от хищников. Сайри скорчился у огня, обхватив колени; несмотря на почтение, которое синдорец питал к великому Паир-Са, Владыке Ярости, глаза у него слипались, рот приоткрылся. Сейчас он выглядел совсем юным – лет на семнадцать, не больше.

Сомлел парень, подумал Джамаль и, протянув руку, слегка подтолкнул синдорца в плечо.

– Неважный из тебя сторож сегодня, генацвале. Ложись спи, а я посижу... посмотрю на небо, поговорю со звездами...

– Со звездами еще наговоришься, – сказал Скиф, приподнимаясь на локте. В отблесках костра его светлые волосы отливали рыжиной, зрачки поблескивали, как две крупные аметистовые бусины. – Надо бы нам сперва бабки подбить да вешки расставить – так, чтоб каша по одну сторону, а масло по другую... Ну, привести все в систему, иначе говоря.

– Это в какую такую систему? – поинтересовался Джамаль. – В твою, что ли? Так мы уже в нее приведены, дорогой. Тебя Нилыч завербовал, а меня – обстоятельства. Верно говорю?

Компаньон досадливо нахмурился.

– Погоди! Давай-ка закончим сперва с одним, а потом примемся за другое... – Он бросил взгляд на клевавшего носом синдорца и спросил: – Выходит, паренек, амазонки наши тебе прямая родня? Или я ошибаюсь?

Голова Сайри качнулась вверх.

– Амма-сонки? Что за амма-сонки, господин?

– Ах, дьявол... Ну, я про женщин из города говорю... про тех, что пришли в степь из ваших синдорских лесов... Они – твои родичи, так?

– Давно было, – пробормотал Сайри, – давно... Мудрые – те, что не спят – повелели женщинам брать мужей со всех мест... из леса и с гор, из Мауля и Ронтара, Хиббы и страны Кирил... Теперь в них другая кровь... нашей – капля...

Веки юноши опустились, но Скиф не собирался оставить его в покое.

– А как они себе мужей выбирают? Надолго? На время или навсегда? Эй, не спи! – он похлопал синдорца по плечу.

– Берут... по-разному... господин... – губы Сайри едва шевелились. – К нам приезжают... берут... в ночи трех лун... увозят с собой... им не откажешь...

Внезапно он повалился на бок и засвистел носом, чему-то улыбаясь во сне. Быть может, увидел свою девушку, ожидавшую на берегах Петляющей реки; быть может, снились ему городские башни из серого камня и другая девушка-незнакомка, что обучит из лука стрелять, копьем колоть и мечом рубить. А может, он просто был счастлив, ибо уберег свою душу от лап демонов и нашел грозного защитника – самого Владыку Ярости Паир-Са, спустившегося с багровой луны. Неважно, что покровитель воинов пожелал называться человеком, пришельцем из-за моря; разве он не явил уже свою божественную сущность? Разве мог человек метать огненные молнии и рубиться с целым отрядом шинкасов, слуг зла? Да еще у самой обители их владык, незримых демонов!

И потому, ощущая на плече своем длань могучего бога, Сайри спал спокойно и улыбался во сне.

– Ну вот, – проронил Скиф с разочарованием, убирая руку, – а еще сулился меч за мной носить, коня чистить и чашу подавать! Нет, парень, до первой лычки ты еще не дослужился!

– Оставь его, – сказал Джамаль, – пусть спит. Он, верно, в твоей морской пехоте не служил, но дрался хорошо. Совсем молодой, а храбрый! Веришь ли, меня защищал!

– Я в морской пехоте тоже не служил, – произнес Скиф, вздыхая, – меня в спецназе натаскивали... – Он снова вздохнул и уставился в костер, словно высматривая среди пляшущих языков пламени девичье лицо. – Надо бы парня еще кой о чем расспросить... О белых зверях, к примеру...

– И о ночи трех лун, да? – Джамаль выдержал паузу и добавил: – Не тревожься, дорогой, не пропадут твои луны. Астрономия – точная наука.

– Вот и поговори теперь со звездами, раз паренек уснул. Выведай, когда все луны будут над горизонтом.

«Не терпится тебе», – подумал Джамаль, улыбнулся, пожал плечами и повторил:

– Астрономия – точная наука, да я-то не астроном. На Телге меня другому обучали.

– Чему же?

Он начал добросовестно перечислять:

– Аккумуляции энергии, гипновнушению, основам прекогнитивики и ментальной защиты и всяким другим штукам... ну, таким, которые твой Нилыч называет психологической трансформацией. Всему, что положено знать Наблюдателю, ушедшему в поиск.

– Выходит, ты можешь подкачать себе энергии? Прямо сейчас? И шлепнуть о камень – да так, чтоб напололам? – Скиф покосился в сторону массивной гранитной глыбы. – Зачем же мы чикались с этим Тха, жирным хиссапом, и его бандой? Прижег бы им задницы, и дело с концом!

– Это стоило бы мне жизни, дорогой. Ну, не жизни, так тела... Приличная цена, да? – Джамаль нахмурился, пытаясь сформулировать мысль. – Видишь ли, смерть, как все в мире, тоже требует времени. Где бы ты ни умер, как бы ты ни умер – хоть от пули, хоть от топора, хоть от инфаркта с инсультом, – покойником сразу не станешь. Сердце остановилось, а мозг еще живет... недолго, минуточку-две, но живет. Потом, когда нарушается кровообращение...

– Ты мне лекцию не читай, – буркнул Скиф. – Насчет смерти я – эксперт... Шесть лет учили, кого и как убивать.

Хорошо учили, подумал Джамаль, вспомнив о позавчерашнем побоище. Вероятно, лишь один телгани на миллион не потерял бы сознания при виде такой груды трупов и луж крови... Этот один из миллиона и стал Наблюдателем.

Он покачал головой и произнес:

– Ну, если не вдаваться в подробности, смерть освобождает в моей голове некий ментальный механизм. Как курок у ружья... Бах! – и выстрел! В этот миг я способен аккумулировать энергию – любую, до которой дотянусь. Тепло, свет солнца, электричество... Ты ведь знаешь, что энергии вокруг – океан? – Скиф молча кивнул; лицо его казалось бледным и напряженным. – Так вот, я могу собрать ее, сконцентрировать в момент смерти и превратиться в луч – в такой же, как лучи этих звезд. – Джамаль вскинул глаза вверх, к черному бархатному амм-хамматскому небу, где сияли тысячи разноцветных огоньков. – Я стану лучом, – повторил он, – и продолжу свой путь, чтобы родиться на другой планете, в другом обличье и прожить другую жизнь... Ну, об этом ты уже знаешь; я рассказывал.

– Каким же лучом ты становишься? – произнес Скиф после долгой паузы, провожая взглядом улетающие вверх искры. – Рыжим, как пламя костра, золотым, как солнце, или зеленым, словно древесный лист? Синим, голубым, красным или желтым? Или серебристым, как диск Зилура? – Он вытянул руку к восходившей на востоке второй луне.

– Не знаю, – ответил Джамаль, – не знаю, дорогой; став лучом, я ведь не живу и не вижу себя со стороны. Но мне нравятся оттенки красного, и хочется думать, что в полете мой луч сверкает, словно алый рубин, брошенный в ночную тьму...

* * *

С точки зрения Ри Варрата, телгского Наблюдателя, Земля и другие варварские миры, несмотря на все их достоинства и разнообразие, походили в одном: их небеса казались ему мертвыми.

Нет, разумеется, эти небеса были великолепны, особенно по ночам – усыпанные яркими звездами, украшенные разноцветными лунами, в росчерках магических писем пылающих созвездий и газовых облаков, затянутые черным бархатом векового мрака... Но красота эта оставалась неживой; провалы темноты значительно превосходили размерами сияющие искорки света. Да и чем фактически являлись эти светлячки? При ближайшем рассмотрении – мертвой материей, гигантскими шарами раскаленной плазмы, ядерной топкой Вселенной, столь же неодушевленной, как разделявшая их пустота.

Лишь мысли людей могли оживить небо: их представления о том, что происходит в далеких мирах, воспоминания о виденном воочию или в записях памятных машин, их уверенность, что они не одиноки во Вселенной – уверенность, основой которой служило знание. Не гипотезы и предположения, как на Земле, а твердое знание! Ибо земной житель, обращая взор к небесам, мог лишь предполагать, что где-то в безмерных галактических просторах обитают братья по разуму, друзья, враги, соперники или конкуренты; телгани же был абсолютно уверен в этом. И посему космос – во всяком случае, ближнее пространство в двести сотни световых лет, достижимое для звездных кораблей, – представлялся ему полным

жизни, движения, разумной активности и энергии – пусть не столь гигантской и буйной, как в недрах звезд, но подчиненной сознательному распорядку.

Там, в темной и мрачной пустоте, плыли меж звездами цилиндры, диски и шары беспилотных торговых транспортов; пассажирские лайнеры, уступавшие в скорости лишь свету, мчались проверенными трассами, облетая за год субъективного времени полсотни планет; там, вблизи космических баз, сияли зеркальной броней боевые корабли, похожие на стаю диковинных рыб, на горсть сверкающих длинных игл, на грозди серебристых пузырьков с полусферами орудийных башен; там плескались волны невидимого океана энергии и информации, и несли они из мира в мир звуки и картины, тексты книг и торговых договоров, призывы, просьбы и обещания, угрозы и ультиматумы, слова дружбы, любви, неприязни и ненависти. Земля не слышала их; слишком далекими были звездные голоса, слишком слабым слух варварской полуцивилизованной планеты на самом краю Галактики.

Вместе с кораблями и лучами связи от звезды к звезде ползли легенды. Ползли или мчались – обе эти оценки были опять-таки субъективными и зависели от сроков жизненного цикла разумных существ, обитавших в той или иной системе. Впрочем, рано или поздно, легенды, слухи и мифы достигали самых дальних звезд, будоража воображение, вселяя надежду или страх, заставляя сердца сжиматься в тревоге, а глаза – или то, что их заменяло, – блестеть от любопытства. Слухи эти были отнюдь не безобидными, ибо каждый из них имел некую первопричину и намекал на возможные последствия – если не сейчас, так в отдаленном будущем. И потому благоразумные народы копили их, обменивались ими и пытались отсеять бриллианты истины от шлака домыслов и шелухи необоснованных гипотез.

Телг, обогнавший Землю на тысячелетия, породил весьма предусмотрительную расу. И в силу этого телгани предпочитали верить слухам и размышлять над ними – ибо всякий слух, как не раз доказывала история, мог внезапно обернуться реальностью. Жуткой или вполне приемлемой, другой вопрос; но любая из этих альтернатив не устраивала обитателей Телга. Дорого заплатив за нынешнее свое благополучие, они не любили неожиданностей.

И потому прислушивались к легендам.

Одни из них были вполне безобидными.

Где-то, в центре Метагалактики (если у нее имелся центр) или в пустоте, разделявшей гигантские звездные острова, обитали Древние. По непроверенным слухам, они являлись ровесниками расширяющейся Вселенной и, миновав все положенные стадии развития – дикость и варварство, планетарные и межзвездные войны, технологический период, объединение и рассеивание, – находились теперь в фазе вечного ступора. Возможно, эта оценка была ошибочной, ибо базировалась она на том, что Древние Расы словно бы не замечали более юных собратьев по разуму и не вмешивались в их дела. Цели Древних оставались неясными, облик – неизвестным; быть может, они, обладавшие некогда телами из плоти и крови, превратились ныне в энергетические сгустки, в облака межзвездного газа или одушевленные светила; быть может, существовали в ином пространстве-времени или заселили область темпорального вакуума, оставив обе Вселенные, расширяющуюся и сжимающуюся, смертным существам, над коими по-прежнему властвовал Хронос.

Но, так или иначе, Мироздание породило некогда разум, более мощный, чем объединенное сознание телгани и всех достигших расцвета рас, обитавших в расширяющейся Вселенной. Об этом свидетельствовали косвенные факты: остатки городов на ледяных планетах, закончивших свой жизненный цикл миллиарды лет назад; необъяснимые вспышки звезд, временами приводившие к чудовищным катастрофам; странные модуляции реликтового излучения; энергетические путепроводы, не то проложенные кем-то между галактиками, не то образовавшиеся в силу естественных, но непонятных причин. Наконец, ходили слухи о бесформенных созданиях, удивительных и непохожих на любое из разумных существ; возможно, над ними потрудились эволюция, возможно, они были продуктом деятельности

Древних, возможно, самими Древними – вернее, их частью, либо деградировавшей, либо избравшей свой, отдельный путь развития.

Легенды о них уже не казались безобидными.

Бесформенные не взрывали звезд и необитаемых планет; мертвая материя их не интересовала. По слухам, они разыскивали населенные миры – не вступая, однако, в контакт, не обнаруживая своего присутствия, не демонстрируя несомненного и грозного могущества. Они предпочитали медленное проникновение в структуры власти высокоразвитых культур либо присваивали себе божественные прерогативы – в варварских мирах, где вера в сверхъестественное была порой сильнее страха смерти. Они и в самом деле напоминали злых богов, скрывающих некую жуткую тайну; они, как призраки, являлись из тумана и исчезали в серой мгле – невидимые, неслышимые, неосязаемые...

Чего желали они, что было их целью? Не торговля, не захват подходящего мира, не колонизация, не поиск природных ресурсов или технической информации, не создание великой империи, объединившей бы Галактику на ближайшие сто, двести или тысячу лет... Но им, несомненно, удавалось получить некую дань, бескровную и вряд ли ощутимую для планет с миллиардным населением, где жизнь человеческая стоила меньше отраженной в зеркале горсти песка.

Похоже, у Бесформенных не было звездных кораблей, и это казалось самым пугающим. Это означало, что они умеют странствовать в пограничной области меж двумя Вселенными, в той зоне темпорального вакуума, где отсутствовали понятия времени и пространства – и откуда можно было дотянуться к любому из миров, к любой планете, к любой звезде в любой из бесчисленных галактик. В такой ситуации расстояние, исчисляемое тысячами или миллионами световых лет, уже не являлось надежной защитой.

Но защита – согласно слухам, что плыли из мира в мир вместе с экипажами звездных кораблей, – все же существовала.

Поговаривали о планетах, сумевших отразить нашествие – то ли благодаря их природным особенностям, то ли техническими средствами и сокрушительным оружием, то ли силой чистого разума. Последний вариант казался весьма сомнительным, но наиболее интересным; он означал, что есть расы, способные не только распознать чужаков, но и защититься от них ментальным барьером. Разумеется, эти сведения оставались смутными и неясными, однако не стоило сбрасывать их со счетов; никто не сомневался, что паранормальный дар, сколь бы редким и уникальным он ни был, является реальным фактом, а не игрой воображения. По странной закономерности, его стихийные проявления гораздо чаще отмечались среди примитивных рас, пребывавших еще на стадии варварства, когда вера в богов, демонов и прочих потусторонних существ еще крепка и нерушима. Казалось, прагматизм развитых культур, который не оставлял места божественному и слепой вере, одновременно подавлял паранормальные таланты; компьютеры и машинный интеллект, многократно усиливавшие логическую функцию разума, заставляли позабыть о том, что считалось интуитивным и иррациональным.

Рассказывали, однако, о мире, где не было ни компьютеров, ни грозного оружия, о планете, не подверженной каким-либо природным катаклизмам, способным отпугнуть Бесформенных. Мир этот оставался в архаической дикости, и правили в нем меч, стрела и копье; самым быстрым средством транспорта был конь, самой надежной защитой – каменные стены крепостей, а в небесах, кроме птиц, носились лишь крылатые демоны и боги. Все прочее было как в других мирах – горы и моря, леса и степи, льды на полюсах, пустыни и тропические джунгли вблизи экватора. Но в одной из стран сей безымянной планеты, в городе с высокими башнями, правили женщины-воительницы; и среди них, как утверждала молва, встречались умевшие общаться без слов и отринувшие сон. Говорили, что их довольно много, сотня или две, и сам этот факт казался удивительным: редкие миры могли похвастать

десятком-другим личностей, обладавших крупными телепатическим даром. Правда, гипнофединги попадались чаще, но пользы от них не было никакой – тем более в том, что касалось Бесформенных.

Но женщины-телепаты в отличие от гипнофедингов представляли явный интерес. Возможно, их способности были врожденными, а ментальная техника не поддавалась копированию; возможно, их дар был не столь значителен и всеобъемлющ, как предполагалось; наконец, их могло просто не существовать в природе, и в этом случае сведения о них являлись лишь отблеском легенд, мифической шелухой, что разносится звездными ветрами по всей Галактике. Но Телг, предусмотрительный Телг, был готов проверить любую легенду – и о Бесформенных, и о неведомом мире, где сохранилось то, что сами телгани утратили едва ли не навсегда. То, что сулило им надежду и защиту.

Приняв решение, они принялись выполнять его со всей настойчивостью и терпением, присущими их расе.

* * *

Утром компаньон был задумчив и хмур; очевидно, как понял звездный странник, размышлял обо всем услышанном – о том, что поведал юный синдорец Сайри, и о ночных откровениях Ри Варрата, телгского Наблюдателя.

Путники молча поели, затем оседлали лошадей и спустились с холма на равнину. Перед ними тянулась зеленая степь, ровная как стол; возвышенности, защищавшие ее от морских ветров, остались позади, и лишь иногда среди изумрудного травяного моря встречался невысокий курган с поросшими колючим кустарником склонами или рошица из десятка белоствольных деревьев. Над равниной круглился небесный купол из бледно-голубого хрусталя, и по нему час за часом неторопливо карабкалось вверх солнце – оранжевый яркий шар, казавшийся на четверть больше земного светила.

Они ехали на юго-восток, отклоняясь к горам, вздымавшимся на горизонте. Время от времени Скиф поглядывал то на солнечный диск, то на стрелку компаса, и хмурил брови – видно, пытался сообразить, сколь далеко может простираться доверие к земному прибору. Иногда он привставал в стремях или гнал своего Талега к ближайшему курганчику, чтобы с вершины его обозреть степь; он явно выглядел нечто, и Джамаль, даже не поднимая глаз, знал, какие цвета интересуют его компаньона.

Но хризолитовый степной ковер не оживляла пестрая кавалькада всадниц, сверкающих бронзовыми панцирями; не вились по ветру вымпелы и султаны, не струились подобные птичьим крыльям плащи, не сияла зеркальным блеском сталь. Пиргов, Белых Родичей, тоже нигде не замечалось. Стада огромных бурых и серых быков паслись спокойно; обгоняя всадников, мчались куда-то антилопы с рогами в форме лиры; резвились и подскакивали в траве непоседливые хирши, местные сайгаки-кенгуру; тарасили любопытные глазки кафалы, ныряя под землю в двух метрах от конских копыт; хошавы с протяжным блеяньем тянулись к древесным ветвям, вытягивали длинные шеи, косились на путников влажными темными глазами; на берегах мелких ручьев, заросших сладким клевером с сизо-фиолетовыми головками, деловито сновали перепачканные илом и влажной землей упитанные ксихи, миниатюрный аналог земных кабанов. Хищных тварей в этот утренний час не было видно: ни огромных полосатых гиен-тха, ни юрких зловонных хиссапов.

Солнце ползло к зениту, и физиономия Скифа с каждой минутой прояснялась. Вероятно, Паир-Са, Владыка Ярости, уже разложил по полочкам всю полученную вчера информацию, подбил бабки и расставил вешки, отделив масло от каши; а это предвещало новую серию вопросов. Впрочем, Джамаль ничего не собирался скрывать от своего компаньона и

союзника, что вполне отвечало правилам и требованиям Миссии Защиты. Телгским Наблюдателям не возбранялась откровенность – разумеется, при выполнении определенных условий. Главным из них было доверие; в противном случае разведчик с Телга, ничем по виду не отличавшийся от аборигенов, но объявивший себя пришельцем со звезд, мог загреметь в психушку или расстаться с брэнной плотью на костре.

Скиф поерзал в седле, охлопал многочисленные карманы своего комбинезона, будто проверяя имущество, и повернулся к Джамалю. Сейчас начнется, подумал тот.

– Хотелось бы мне кое-что уточнить, князь.

– Уточни, дорогой, – покорно согласился Джамаль.

– Вот ты толковал ночью о Миссии Защиты... Сотни Наблюдателей, сотни лет поисков, тысячи изученных планет... Гигантская работа, я полагаю! И все ради мифов, ради легенд, ради пыли, несомой ветром? Из-за страшных сказок, что могут оказаться кошмарным сном?

– Страшные сказки чаще становятся явью, – произнес Джамаль. – Что мы в данном случае и имеем. Бесформенные...

– Пал Нилыч называет их двеллерами, – быстро перебил Скиф.

– Хорошо, пусть двеллеры... Вах! В названии ли суть? Суть в том, что они, вероятно, добрались до Земли, не говоря уж об Амме Хаммате. На Земле – атаракты и граф Калиостро, о коем ты мне рассказывал, здесь – сену и ару-интаны... и там, и тут – зелье, что вышибает мозги... иногда – сразу, иногда – частями. Веселая сказка, дорогой? – он сделал паузу, покопался на компаньона и добавил: – Как говорят у нас на Земле, кто предупрежден, тот вооружен. Или хотя бы ищет оружие и защиту... Разве не так, эх-перт?

Пару минут Скиф переваривал эту мысль, потом буркнул:

– Пословицы я тоже знаю, князь, пословицами ты не отделаешься. Это сейчас предупреждение стало реальным, а до того были одни сказки. Сказки и треп! Великий Харана! Бросить ради них такие ресурсы...

– Ресурсы Телга практически неограниченны. И если уж о том зашел разговор, взгляни на свою Систему. Доктора с Нилычем вспомни, на себя взгляни, на пулемет свой под мышкой! Людей – тьма, странных и не очень, штук всяких, оружия – тоже тьма, значит, и денег потрачено тьма! Не забудь, я ведь не только Наблюдатель, я еще и финансист, знаю, что почем! – Джамаль усмехнулся и не без самодовольства закончил: – На Телге – Миссия, на Земле – Система... Но повторю, дорогой: в названии ли суть?

– Верно, – согласился Скиф, кивая светловолосой головой. – Об этом я как-то не подумал... Что эта твоя Миссия, что Система... Средства разные, суть одна!

– И причина одна. На Телге – сказки о Бесформенных, на Земле – сказки о «летающих тарелках», огнях в небе и зеленых человечках.

– Но ведь их не было! – выдохнул Скиф. – Это ведь точно сказки! Пал Нилыч говорил...

Брови Джамалья пренебрежительно приподнялись.

– Что он знает, твой Нилыч, со всеми своими начальниками! Было, не было... Ты думаешь, один Телг рассылает Наблюдателей?

Еще одна мысль, над которой Скиф размышлял минут пять – обдумывал, пробовал на вкус, запах и цвет, а потом упрятал в некий памятный сундучок, – конечно, чтоб доложить Сарагосе. Только поверит ли Нилыч? – промелькнуло у Джамалья в голове. Хотя, с другой стороны, Сарагоса занимался столь же странными вещами, отчего ж ему не поверить?

Вспомнив о своем побеге с больничной койки, звездный странник усмехнулся. Теперь он мог считать, что завоевал полное доверие Сарагосы, ибо там, на Земле, осталось нечто свидетельствующее об истинном положении дел: радужный кокон, прикрывавший его постель в изоляторе фирмы «Спасение». Теперь Пал Нилыч, упрямый, как имеретинский мул, и подозрительный, словно бездомная кошка, поверит любым его словам!

Он взглянул на Скифа. Компаньон, потирая висок, явно мучился очередным вопросом.

– Ну хорошо, будем считать, что со страшными сказками ты меня убедил. Только вот...
– Что? – спросил Джамаль.

– Не «что», а зачем. Зачем все это надо? Ты говорил, что обучен всяким фокусам... ну, гипновнушению, ментальной защите и Бог знает чему... Значит, такие штуки для вас не новость? Там, дома, – он вскинул глаза вверх, – атаракты с тобой не справились. Кое-что ты умеешь, джинн! Зачем же шарить по всем галактикам в поисках ведьм-телепаток? Я понимаю, ради Таммы... Красивая девушка, черт побери!

– Красивая, вах! – подтвердил Джамаль, стараясь пригасить блеск зрачков. – Однако насчет штучек и фокусов ты меня переоценил, дорогой. Кое-что я умею... да, умею... могу внушить, могу подтолкнуть, могу кретином прикинуться – так, как вышло с тем атарактом, хиссапом мутноглазым... Но если взяться за меня по-настоящему!.. – Он почувствовал холодок, прокатившийся по спине, и вздрогнул. – Понимаешь, дорогой, есть сила и есть Сила... Вот – моя, – выдернув волос из гривы вороного, Джамаль пустил его по ветру. – А вот – та, которую я ищу! – его рука легла на меч.

Компаньон понимающе кивнул; затем глаза его уставились на Джамалю с каким-то непонятным ожиданием и надеждой.

– Но все-таки что-то ты умеешь? Умеешь внушать, умеешь подчинять... Тебя специально натаскивали, или ты уродился таким? Вот объяснил бы ты мне, как получается... – пальцы Скифа щепотью коснулись виска и замерли.

«О чем это он?» – удивился Джамаль; потом, решив не обращать внимания на странный жест, произнес:

– Видишь ли, дорогой, отправляясь за золотом, надо иметь в кармане хоть немного серебра. Меня натаскивали не затем, чтоб я внушал и подчинял. Я должен обладать хоть крохотным даром, чтобы научиться тому, что ищу.

– Научиться у них? – с разочарованным вздохом Скиф вытянул руку на юго-восток, к пока незримому многобашенному городу.

– Быть может, у них, если я не ошибся адресом... но думаю, что не ошибся. Ведь я торговец, дорогой, – тут он подмигнул компаньону, – а хороший торговец всегда найдет, чему поучиться в далеких странах. Взять хотя бы Доктора...

– Кстати, о Докторе, – вскинулся Скиф. – О нем мы еще не толковали... Так что же Доктор?

Джамаль пожал плечами.

– Как говорит твой Нилыч, Доктор рядом с богом ходит... А я... ну, я могу пойти вослед, и только! Его фокусы мне не по плечу и научиться им нельзя. Понимаешь, дорогой, одно дело на гитаре бренчать, и другое – коснуться арфы или органа... Тут не просто дар нужен – великий талант!

– Дьявол с ними, с арфами да органами! Ты мне про фокусы расскажи! Как он это делает? Раз, и оттуда – сюда! – Скиф ткнул рукой сначала вверх, потом – в землю. – Из яви – в сон! С Земли – в Амм Хаммат, в Ронтар или к черту на рога! Куда закажешь!

– Что и как он делает, я не знаю – как он сам тоже, дорогой. Помнишь, я говорил тебе про границу между мирами? Один – сжимается, другой – расширяется, а между ними – ничего?

– Темпоральный вакуум, да?

– Он самый. Безвременье... Сможешь нырнуть туда, сможешь уйти – и сможешь попасть куда угодно. В единый миг! Доктор это умеет... умеет делать с нами, без всякой машинерии и штучек-дрючек. Умеет, и все! А как... – Джамаль снова пожал плечами.

– Без всяких штучек-дрючек... – протянул Скиф. – Без машин, значит... Возможно ли такое, князь?

Усмехнувшись, Джамаль похлопал себя по лбу.

– Не построили еще машин, чтоб сравнились вот с этим! Ни на Телге, ни на Земле! Вах! И никогда не построят! вспомни, дорогой, сколько на Земле народу... Миллиарды! А в Галактике, сам понимаешь, куда больше. Всякие есть... люди, нелюди... Среди такой прорвы всегда можно отыскать что-то стоящее... что-то удивительное... Скажем, Доктора или наших амазонок, не видящих снов...

Услышав про сны, Скиф вдруг встрепнулся и обвел взглядом степь, будто видел ее впервые. Потом покрутил головой, разглядывая ехавшего следом Сайри, лошадей, которых синдорец вел в поводу, шустрых прыгучих хиршей, небо и невысокие холмы.

– Значит, все это – не сон? Не сон, да? – Лицо его вдруг сделалось каким-то восторженным и детским. – И она... она тоже не сон?

«Это он о Сийе, – понял Джамаль. – Ну, Сийю с пепельными кудрями и златовласую Тамму тоже вполне можно было бы считать сном. Прекрасным сном, который длится целую вечность!»

Впрочем, это из области лирики, а компаньону требовался определенный ответ. И Джамаль, привстав в стременах, обвел широким жестом равнину, а потом сказал:

– Это не сон, генацвале. Это мир, такой же, как наш – в чем-то такой же, в чем-то другой, но он реален, как Кура под Тбилиси. Помнишь, я рассказывал о своей прогулке у реки? Когда мне было пятнадцать? – Скиф молча кивнул. Джамаль, откинувшись в седле, зажмурился, подставил лицо солнечным лучам, глубоко вдохнул теплый степной воздух и пробормотал: – Вах, хорошо! Хоть далеко от нас, а похоже!

– Как далеко? – спросил Скиф, оглядываясь вокруг в некотором ошеломлении.

– Не измерить и не узнать, дорогой. Может, у третьей звезды, считая от Солнца, может, рядом с Телгом, а может, на краю Вселенной... Ну, так что с того? Ты – здесь, я – здесь, и всё, что нам надо, тоже здесь. Едем мы в нужную сторону, и вскоре...

За спинами их вдруг раздался вопль Сайри:

– Стой, господин! И ты, друг господина, блистательный князь, тоже стой! Во имя Вихря, остановитесь! Опасность!

– Что, опять полосатые тха? Или хиссапы? – Скиф, зыркнув глазами по сторонам, потянулся к лучемету.

– Не тха, господин, не хиссапы! Пирг! Пирг, меньший брат твой, Белый Родич! – Сайри, вцепившись в поводья левой рукой, тянул правую к вершине недалекого холма. Там, распушив вокруг шеи шерстистое жабо и задрвав хвост, стоял огромный белый хищник – длинноногий, словно гепард, но раза в полтора больше уссурийского тигра. Заметив, что за ним наблюдают, зверь подпрыгнул вверх, одним стремительным гибким движением извернулся в воздухе и исчез.

– Вах! Я же говорил, что едем мы в нужную сторону! – довольно произнес Джамаль.

* * *

Амазонок они встретили на пятый день, считая от битвы с шинкасами. Вероятно, это были патрульные, охранявшие некую незримую границу, за которой лежала земля Города Двадцати Башен: четыре женщины в доспехах и плащах и восемь белых зверей. Воительниц, ехавших цепочкой навстречу странникам, Джамаль заметил сразу, но пиргов обнаружил лишь тогда, когда по сторонам их маленькой колонны из травы поднялись огромные головы с разинутыми пастьми. Кони, беспокоившиеся уже добрый час, в панике заржали – этим шинкаским скакунам вид Белых Родичей был непривычен и страшен. Но хищники не собирались нападать; окружив отряд чужаков, но держась поодаль, пирги неторопливо теснили их к всадникам.

– Лучше, если мы остановимся и сойдем с лошадей, – пробормотал Скиф сквозь зубы. Джамаль согласно кивнул. Компания их выглядела весьма подозрительно: светловолосый воин в зеленой пятнистой одежде непривычного вида, полуголый синдорец с расцарапанным боком, и он сам – шинкас шинкасом, если не считать физиономии. И все – на конях, вооруженные до зубов!

Успокоив нервничавших лошадей, они спешили. Всадницы тоже натянули поводья и замерли, не доезжая метров десяти, негромко переговариваясь и разглядывая странную компанию. Две девушки были смуглыми и темноволосыми, одна – зеленоглазой и рыжекудрой; все трое – с луками в руках. Последняя амазонка, выглядевшая постарше, не прикасалась к оружию. Очевидно, предводительница, решил Джамаль; на ее щите скалил зубы отчеканенный из серебра Белый Родич, а лицо пересекал шрам.

Скиф медленно расстегнул пояс и бросил на землю вместе с мечами. Катана в лакированном футляре казалась вытянувшейся в траве черной змеей, гранаты на рукояти длинного клинка поблескивали каплями крови. Джамаль тоже расстался с оружием, потом кивнул Сайри; тот, со страхом поглядывая на амазона, снял перевязь с топориком и шинкаским ножом.

– Во имя Безмолвных! – произнес Скиф, делая шаг вперед. – Мы пришли с миром!

– Пусть слова твои не станут прахом, – ответила старшая из амазонок; голос у нее был сильным и звучным, глаза – серыми и глядели грозно. Она походила на дикую кошку, готовую выпустить когти в любой момент. – Ну, чужаки, кто вы и откуда?

– Мы двое, – Скиф кивнул на Джамалю, – из западных стран, что лежат за Узким морем. А этот юноша – синдорец с Петляющей реки, попавший в плен к степнякам. Они и нас изловили, когда мы скитались на берегу после крушения своего таргада. Изловили, да удержать не смогли, – он усмехнулся, отбросив со лба прядь светлых волос.

– Значит, вас выбросило на Проклятый Берег? После гибели таргада? Распадись и соединись! – амазонка в удивлении изогнула густую бровь. – Что-то много кораблей разбиваются у побережья в последние дни! Слышала я, что во время трех лун... – Тут она подозрительно уставилась на странников и велела: – Ну-ка назовите ваши имена!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.